

ВЕРОНИКА ЛЕСНЕВСКАЯ

Л

АПОЧКИ-ДОЧКИ

ИЗ ПРОШЛОГО

ИСЦЕЛИ МОЁ СЕРДЦЕ

Вероника Лесневская

**Лапочки-дочки из прошлого.
Исцели мое сердце**

«Автор»

2023

Лесневская В.

Лапочки-дочки из прошлого. Исцели мое сердце /

В. Лесневская — «Автор», 2023

- Ты переезжаешь ко мне, - звучит безапелляционно. Как факт.- Я не могу, - спорю, но Воскресенский не знает слова «нет».- Тебе негде жить. Нет работы. А моим дочкам нужен присмотр. Ты нам подходишь.- Я ведь кондитер. У меня нет опыта общения с детьми. Совсем нет, - прячу взгляд.- Ты им нравишься. Остальное неважно. Я готов сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Нас прерывают рыжие двойняшки. Забираются отцу на колени, и он тут же смягчается.- Мама будет жить с нами? – одновременно указывают на меня.*После развода я лишилась всего. Муж изменил мне, сделал ребенка любовнице, так еще и отсудил мой бизнес. Я должна подниматься с нуля. Подрабатывать кондитером, брать любые заказы. На одном из мероприятий я встретила его... Воскресенский – отец-одиночка в разводе. Холодный, циничный, презирает женщин и идет по головам. Мне надо держаться от него подальше... Но как вышло, что его дочери похожи на меня, как две мини-копии?

© Лесневская В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вероника Лесневская

Лапочки-дочки из прошлого.

Исцели мое сердце

После развода я лишилась всего. Муж изменил мне, сделал ребенка любовнице, так еще и отсудил мой бизнес. Я должна подниматься с нуля. Подрабатывать кондитером, брать любые заказы. На одном из мероприятий я встретила его... Воскресенский – отец-одиночка в разводе. Холодный, циничный, презирает женщин и идет по головам. Мне надо держаться от него подальше... Но как вышло, что его дочери похожи на меня, как две мини-копии?

Глава 1

Константин

– Давай оставим их в роддоме...

Жестокая фраза, произнесенная обманчиво нежным, слабым женским голосом, долетает до меня и останавливается, будто бьется в плотное, бронированное стекло. Рикошетит и тонет в детских криках, доносящихся из других палат. В бесконечном больничном коридоре шумно. И только в «випке» моей жены царит уничтожающая тишина.

– Как ты себя чувствуешь, Даш? – невозмутимо переступаю порог. С внешним спокойствием шагаю к постели, небрежно опускаю пакет с продуктами на тумбочку, поддеваю носком ботинка случайно выпавшее яблоко, и оно катится под кровать. Не смотрю туда. Как и на женщину, которая будничным тоном предлагает отрезать от себя кусок, выкинуть и забыть.

Не могу. Иначе не сдержусь.

Неторопливо отхожу к окну, складываю руки в карманы и невидящим взором гипнотизирую внутренний двор лучшей клиники в городе. Нам ее статус не помог. Как и мои связи, и деньги – все зря.

– Отвратительно, Кость. Или намекаешь, что я помешалась? В нашей ситуации все возможно, – слова друг за другом вонзаются мне в спину, превращая ее в решето, но я не поворачиваюсь. – Ты все слышал и правильно понял, не притворяйся. Я хочу отказаться от них, пока не поздно.

Внутри взрывается ядерная боеголовка, поражая все и оставляя лишь пустую оболочку. По-прежнему холодную и стальную.

Нехотя оглядываюсь, беру стул и сажусь напротив постели жены. Иначе воспринимаю ее. Вижу в ней свою персональную «зону отчуждения». И не верю, что все это происходит с нами.

– Речь идет о детях, – чеканю каждый слог и подаюсь вперед, упираясь локтями в колени. – О наших с тобой детях. Ты понимаешь, что предлагаешь?

– Ты ведь сам слышал, что сказали врачи...

– Врачи не боги, могут ошибаться, – меняю позу, чтобы увеличить расстояние между нами. От греха подальше. Откидываюсь на спинку стула, который поскрипывает подо мной. – Рано сдаешься. После нескольких лет безуспешных попыток забеременеть. После лечения, процедуры ЭКО, шести тяжелых месяцев беременности, – воспаляюсь, стоит лишь вспомнить, через что мы прошли. – Ты же родила их. Ты мать. Неужели не чувствуешь связи и готова так легко отказаться от собственных дочек? Не верю, – отрицательно качаю головой.

– Я молода. У меня вся жизнь впереди. И я не хочу тащить этот крест до конца дней, – продолжает оправдываться. – Это равносильно тому, чтобы похоронить себя заживо. У них нет будущего, но почему его должны лишаться и мы?

– Я же не отказался от тебя, когда узнал о твоём бесплодии.

Ожесточившись, бью её по больному. Пока только словами. И чтобы не нанести физический вред жене, я резко встаю, откидывая стул.

– К тому же, пока ничего толком неизвестно, сложно сказать, что нас ждет, – до последнего сохраняю сдержанный тон.

– Мне дали образец заявления. Рассказали, что и где нужно заполнить...

Даша тянется к тумбочке, достает какие-то листы, но я выхватываю их и, не вчитываясь, разрываю пополам. Отпускаю и, когда они оказываются на полу, наступаю подошвой.

– А дальше? – упираюсь кулаком в поверхность тумбы. – Что дальше? – нависаю над женой, повышая голос. – Ты сможешь спокойно жить, шастать по ресторанам, развлекаться, пока твои дочери в детдоме? Не зная, как там с ними обращаются... Сможешь жрать и спать, когда дети хрен знает где и с кем?

Даша отодвигается к стене, испугавшись моего гнева. Дергает рукой, натягивая капельницу. Перехватываю её, чтобы не вырвала катетер из вены и не навредила себе.

– Лучше так, чем обрекать себя на мучения. Я не справлюсь, Кость, я не хочу, – Даша внезапно срывается в истерику. – Не так я представляла себе счастливую семью.

Выпрямившись, смотрю на плачущую жену сверху вниз. И ничего не чувствую, кроме опустошенности.

– Далеко не все происходит так, как мы ожидаем, – выдаю поучительно. – Бог дает нам ровно столько, сколько мы способны выдержать. Так что вытри слезы, дорогая. Твое дикое предложение спишем на послеродовую депрессию. И забудем об этом разговоре.

Хлестко, грубо и повелительно. Пусть я выгляжу бесчувственным тираном, но только так могу достучаться до паникующей матери. Она запуталась, и я единственный, кто способен уберечь её от ошибки.

– Но...

– Закрыли тему, – обрываю резко. – Дочек беру на себя. Я уже договорился с ведущим перинатальным центром за границей, нас там примут, – бесстрастно сообщаю о своих планах. Ставлю Дашу перед фактом, потому что менять их не намерен. – Поеду с малышами и буду постоянно находиться рядом. Компанию оставлю на Славина, он хорошо зарекомендовал себя в роли моего заместителя. Думаю, справится. Если у тебя какие-то проблемы или просьбы будут, тоже ему звони. Я его предупредил. Ну, а пока... восстанавливайся. Заодно хорошо подумай о нашем будущем, – добавляю многозначительно.

Ухожу, не дождав ответа. Плотно прикрываю за собой дверь, но не хлопаю, как бы ни хотелось вбить её с размаха в косяк. Самообладание – это все, что у меня осталось на данный момент. И оно не дает мне сломаться и разнести клинику, сравнив её с землей.

– Кто сегодня дежурил? – выплевываю у стойки в приемной, а миловидная медсестричка испуганно хлопает ресницами. – Мне нужна фамилия врача, который надоумил мою жену подписать отказ от новорожденной двойни. Ну же!

– На дежурстве был Коновалов, – лепечет она, беглым взглядом беспокойно окидывая помещение. – Он уже сменился.

– Передайте главному, пусть ищет ему замену, – хмыкаю зло. – Вопрос времени...

И профессионализма ребят из моей юридической компании. У любого врача можно при желании найти скелет в шкафу. А то и раскопать маленькое кладбище.

Щелкаю пальцами, чтобы вывести ошеломленную медсестру из транса, и мне тут же накидывают халат на плечи. Провожают в отделение для недоношенных. На короткое время оставляют рядом с кувезами, в которых спят мои дочери. Два крохотных комочка, слабых и

тихих. В ворохе одежды, пеленок и обмотанные датчиками. Цыплята внутри инкубаторов, искусственно поддерживающих нужную температуру.

Если бы я мог отдать за них жизнь, я бы это сделал, не задумываясь. Но это было бы слишком просто. Видимо, у нас свой путь.

– Я тоже не так представлял себе счастливую семью, – все-таки соглашаюсь с Дашей, не замечая, что произношу это вслух.

– Константин Юрьевич, вашим котяткам очень повезло, – доносится от женщины-врача, которая неожиданно возникает рядом со мной. – Вы на редкость сильный человек и настоящий отец.

Касаюсь ладонями стекол, отделяющих меня от детей, согреваю своим теплом несколько секунд, будто девочки могут почувствовать. И одергиваю руки, оставляя запотевшие следы.

– Не представляете, что бы я отдал, лишь бы стать... обычным.

Три месяца спустя

Осторожно спускаюсь по трапу частного самолета, крепко держа в руках две люльки со спящими дочками. Стараюсь не спешить и сильно не раскачивать их, чтобы не разбудить. Перелет и так выдался нелегким, но я рад наконец оказаться дома. Да и малышки притихли, словно почувствовали себя спокойнее на родной земле.

Позади суетится нянька, пытается услужить, помочь мне, но я осекаю ее легким кивком. И так достаточно сделала для нас. Я специально вызвал ее из России, когда девочек уже выписали из клиники, но назначили дополнительные анализы и процедуры. Не захотел подпускать к ним иностранку – такой у меня заскок.

Благо, эта приятная женщина согласилась прилететь и на протяжении почти месяца не отходила от них. Понимаю, что делала это за деньги, и я щедро оплатил ее услуги, но все-таки... по-человечески ей благодарен. Без нее я бы не справился.

– Ярослава Ивановна, все в порядке, – цежу чуть слышно. – И возьмите сегодня выходной. Малышки будут с мамой.

Улыбнувшись, взглядом окидываю аэропорт. Незамедлительно нахожу огромную фигуру друга. Такой шкаф сложно не заметить. Отталкивается от капота автомобиля, чудом не оставив вмятину, – и шагает к нам.

– Привет, Тим, – я искренне рад Вулканову. – Но обойдемся без рукопожатий, – демонстрирую две люльки. С гордостью, черт возьми, будто это мое главное достижение в жизни.

Впервые за три месяца ада я выдыхаю и учусь наслаждаться отцовством. Теперь все у нас должно быть в порядке.

– Как вы? – вместо приветствия спрашивает Тимур. Он в курсе наших проблем. Странно, но с ним я созванивался чаще, чем с женой.

– Диагноз не подтвердился, – бросаю короткую фразу, которая вернула мне смысл жизни. – Есть еще определенные трудности, связанные с тем, что малышки родились недоношенными. Они слабые, им необходим особый уход, наблюдение, специальное питание. Но это такая фигня по сравнению с тем, что могло быть...

– Понимаю, – хрипло отвечает. – Надеюсь, все наладится. Кость, если тебе нужны деньги, только скажи. В моей сети автосалонов дела вверх идут. Любая сумма в любое время...

– Да ты и так мне помог, а с долгами компании я быстро разберусь, – аккуратно огибаю машину, подходя к пассажирской двери, которую тут же распаивает Тимур. – Но спасибо, буду иметь в виду.

– Обращайся.

– А у вас с Олей как дела? – устраиваю люльки на просторном заднем сиденье, и Вулканов помогает мне закрепить их.

– Все так же, – произносит безэмоционально. – Мы тоже решились на ЭКО. Как и вы с Дашей. Но Оля сама не своя, нервничает, раздражается по пустякам. Хотя я ведь на все иду ради нее.

– Верю, – честно говорю, потому что видел, как Тимур относится к жене. Пылинки сдувает. – Ты правильно делаешь, что продолжаешь бороться. Видимо, такая у тебя судьба.

– Ты же знаешь, я не верю в подобное, – отмахивается.

– Да я вроде тоже, но... – указываю на дочек, которые, словно услышав меня, одновременно морщат носики. Поправляю выбившиеся из-под шапочек рыжие волоски. Смешные. Две огненные лапочки у родителей-шатенов.

Наверное, внешностью они пошли в мою прабабку. Та еще ведьма была. Зададут мне девочки жару, когда подрастут.

– Ты Даше уже сообщил хорошую новость? – смягчается друг, окинув взглядом малышей. И медленно, почти бесшумно прикрывает дверь.

– Н-нет, я даже не предупредил, что мы прилетаем сегодня, – потираю затылок и занимаю переднее пассажирское кресло. – Домой торопился. Сорвался с места, как только нам все документы и рекомендации выдали. Друг, да я так быстро даже в армии не собирался, так что немудрено было забыть, – сдавленно смеюсь, чтобы не потревожить девочек.

– Значит, сюрприз будет, – усмехается Тимур, трогаясь с места.

Чертов предсказатель, как в воду глядел!

Потому что сюрприз действительно удастся. Правда, не такой, как я ожидал. И преподносит мне его горячо любимая жена.

– Хм, а что это значит? – озвучивает мои мысли Вулканов, пока я сам пребываю в ступоре.

Наблюдаю, как Даша выходит из нашего дома. Тащит за собой дорожный чемодан, который от тяжести едва крутит колесиками. Подходит к смутно знакомому автомобилю, который мало того, что прохлаждается на моей территории, так еще и заехал на газон. Косой урод. Прибыю!

Накаляюсь до предела, но потом вдруг ныряю в ледяную прорубь, когда из машины выходит... Славин. Перехватывает чемодан, запикивает его в переполненный багажник, стирает пот со лба. Но передохнуть козлу не позволяет моя благоверная, которая повисает у него на шее. Что-то мило щебечет, чмокает его в гладкую щеку и летящей походкой, виляя задом, дефилирует к капоту. Замирает у пассажирской двери, ожидая, пока Славин ей откроет. И прищуривается, заметив нас.

Жестом прошу Тимура въехать во двор. Если появляться, то эффектно.

– Это значит... – задумчиво тяну, не отрывая взгляда от жены и моего заместителя. Заменял так заменил, мать его. На совесть. Не жалея сил и времени. – Это значит, Тимур, что тебе придется сегодня немного поработать у меня няней, пока не приедет Ярослава Ивановна, которую я поторопился отпустить, – медленно толкаю дверь, ступаю на асфальт. – Правда, за свой счет и мое большое спасибо, потому что я на мели. И, судя по всему, сейчас лишаюсь последнего...

– Кость, подожди, – настороженно окликает меня Вулканов, но я уже не слушаю.

Сложив руки в карманы, шагаю к двум людям, которым когда-то доверил самое ценное. Славину – компанию, а Даше – семью. Ошибся.

– Костя? – не верит глазам жена. Уже бывшая. – А ты вернулся?

О наших детях даже не спрашивает. Плевать ей. Три месяца – и точка невозврата.

– Не мог не пожелать счастья молодым, – выплевываю издевательски.

– Константин Юрьевич... – подобострастно подает голос Славин, бегая взглядом по нам с Дашей.

– Уволен, Петь, – бросаю холодно.

– Да как же? – задыхается и часто моргает. – А фирма? Там долги...

– Супер! – зло усмехаюсь. – Вот на тебя их и повешу. Пойдешь по статье, – говорю абсолютно серьезно. Славин знает о моих методах. И в курсе, что я пойду на любую хитрость ради цели. А сейчас моя цель – размазать их обоих по асфальту.

– Кость, давай расстанемся по-человечески, – пытается повлиять на меня Даша. – Ты у меня сильный, а я слабая. Говорила же, что не смогу так, – нежно поправляет мне воротник, но спотыкается о мой презрительный взгляд и одергивает руки. – Я подала на развод, – сообщает очевидное. – Откажусь от прав на детей, все бумаги подпишу. Имущество пополам поделим, как указано в брачном контракте. И разойдемся.

Вопросительно выгибаю бровь. И молчу в ожидании очередной глупости, которую способна выдать моя «любовь». Взмахнув каштановыми волосами, она на всякий случай отступает назад. Ищет защиты у Славина, но тот уже не рад, что на чужую жену покусился. И будет жалеть об этом до конца дней. Я проконтролирую.

– Конечно, дорогая, разойдемся, – выжимаю из себя кривую ухмылку. – Мирно, спокойно, как люди, – перечисляю невозмутимо, но Даша бледнеет. Ищет подвох в моих словах. – Как только я оставлю тебя без трусов, а твоего любовника без работы.

– Но Константин Юр... – пытается вступить за нее Славин, но мой кулак не позволяет ему договорить.

Видит бог, я не хотел этого. Сдерживался до последнего, ведь позади меня, в машине, мирно спят мои дети. Хреновый пример я им показываю. Да и вообще ситуация дерьмовая.

Но поздно. Я сбиваю костяшки об скулу бывшего зама и, не успокоившись, заряжаю ему в нос. Я бы добавил, но Славин оказывается проворнее и... Шустро сбегает, падая за руль своего авто и заводя двигатель.

– Вот ты мудака, – пищит Даша, зная, что я не подниму руку на женщину, однако тоже прячется в салоне.

– Мудак, который всегда выполняет обещания, – подмигиваю ей и киваю на трясущегося Петю. – С милым рай в шалаше, Дашуль, а ты это испытаешь на себе.

И совсем скоро претворяю свои угрозы в жизнь. Без особого напряжения, но с большим удовлетворением. А со временем становлюсь самым известным и лучшим бракоразводным юристом. Исключительно для таких же доверчивых «мудаков», каким был сам.

** Добро пожаловать в историю Константина Воскресенского и его Веры. Поддержите новинку звездочками, комментариями.*

*** История Тимура (друга Кости) # "Сыночек в награду. Подари мне любовь"**

*** БУКТРЕЙЛЕР тут # <https://youtu.be/-0qgfoGDW8g>**

Глава 2

Около четырех лет спустя

Вера

Вдох. Шаг. И я вступаю в землю.

Порыв ветра бьет в лицо. Наотмашь. Дает пощечину, еще одну. Раздувает рыжие кудри, взметает вверх. Наверное, я сейчас похожа на ведьму. С ненавистью в глазах и зияющей дырой в груди.

Нет сил пошевелиться.

Тяжелый, болезненный выдох. Легкие всмятку. Сердца нет. Вырвал человек, которого я любила. И теперь он забирает у меня последнее.

Не моргаю. Широко раскрыв глаза, ловлю каждую деталь. Чтобы не забыть, каково это – быть преданной. Чтобы не повторить свою ошибку.

Наблюдаю, как «Сладкая жизнь», покосившись, срывается с фасада кафе-кондитерской, падает и с металлическим скрежетом проезжает по асфальту.

Морщусь, но не зажмуриваюсь. Запоминаю, с каким задором Женя, бывший муж, рушит бизнес, который я создавала с нуля. Как мое дело летит в ад вместе с вывеской.

Сладкова – моя девичья фамилия. Она и легла в основу названия первой кондитерской. И ее же я вернула себе после развода.

Никогда не думала, что меня это коснется. Я ведь правильная, верная, слежу за собой. Голова не болит, халат не растянут, ни грамма целлюлита. В чем еще обычно упрекают бывших? Черт! Создана по всем канонам идеальной жены.

И я любила мужа. До беспамятства. Доверяла слепо.

Но...

Женя оказался лжецом и подонком.

Мало того, что завел интрижку на стороне, сделал ребенка любовнице, так еще и каким-то образом отсудил мой бизнес, как «совместно нажитое имущество». Я была уверена, что он не посмеет. Да и не захочет заниматься кафешкой. Зачем она ему? Женя никогда не вникал в мои дела, а о сладостях знал лишь, как их есть.

Я рано расслабилась – и получила удар в спину. Смертельный.

И теперь все, что у меня осталось, – машина доставки с логотипом несуществующей кондитерской. А еще вещи, которые бывший муж любезно позволил мне сегодня забрать из кафе. До того, как его закроют на ремонт.

Вот и все. Жили мы недолго и несчастливо, пока развод не разлучил нас.

А дети... Их у нас с Женей так и не получилось. Наверное, к лучшему. Иначе бы еще и малышей делили...

– Грузи с остальным хламом, – выкрикивает один из рабочих и цепляет трос к помятой вывеске. Небрежно наступает на нее грязным кроссовком. Дает знак водителю грузовика. Хлопает по кузову и достает из кармана сигареты.

На секунду мне кажется, что сразу после перекура он подойдет ко мне, закинёт на плечо и оттащит меня туда же. К ненужному мусору.

«Боже, дай мне сил это выдержать!», – шепчу, впервые за все время прикрыв глаза. Слез нет. Я вообще не плачу. Не истерю. Говорю же, улучшенная модель жены. Только теперь сломанная.

– Мася, смотли, какая класива-ая, – восхищенно тянет тонкий детский голосок.

Сердце оживает под ребрами, стучит все быстрее и чаще. Пытается выскочить на звук. Кровь бурлит в венах, зовет. Не понимаю, что со мной.

– Ксюса, низя тыкать пальцем, – отчитывает ее вторая.

Опускаю взгляд и вижу крохотных рыжих кудряшек, похожих друг на друга как две капли воды. Приятное тепло разливается в груди, течет по всему телу, солнечным светом пробивается сквозь кожу.

Я всегда по-доброму относилась к детям. Но ни разу не чувствовала ничего подобного. Наверное, расклеилась после развода. Стала слабой и сентиментальной.

– Она тоже солнышко. Как мы, – довольно кивает первая малышка и указывает пальчиком на мои волосы.

Словно под действием неведомой силы, я приседаю перед ними и беру их за ручки. Веду большими пальцами по нежной, бархатной, покрытой слабыми веснушками коже. Ох и замучаются красавицы с ней, когда вырастут. По себе знаю.

– Вы откуда, крошки? Потерялись? – тяну уголки губ вверх и получаю от девочек ответные улыбки.

– Неа, – отрицательно качают головами, и озорные кудряшки подсакивают в такт. – Папу ждем. Я Ксюса, она Маша, – бойкая представляет обеих, пока сестра настороженно молчит.

– Ксюша и Маша? – расшифровываю их «детский говор».

– Ага, – соглашаются обе. Значит, угадала. – А ты кто? – одинаково наклоняют головы. И накручивают кудряшки на пальчики.

– Меня зовут Вера. Я...

Одинокая женщина. Без мужа, без детей, без работы. Я никто. Так себе презентация. Поэтому умолкаю, не зная, как представиться.

– Ты наша мама? – выдают хором. И на миг вгоняют меня в ступор. Потому что у меня не может быть детей.

– Нет, – резко поднимаюсь.

И вряд ли ей когда-нибудь стану. Но пожалеть себя не успеваю, потому что на всю улицу неожиданно раздается жалобный детский плач. Две сирены сливаются в одну. Вселенского масштаба.

От крика малышей замирает сердце. Пропускает удар – и разрывается на части, истекая кровью. Не имея ни малейшего опыта общения с детьми, я на секунду теряюсь. Широко раскрыв глаза, испуганно смотрю на капризных солнышек.

Так хочется обнять их, прижать к груди и больше никогда не отпускать. Дать им все, что попросят. Даже если в качестве новой игрушки они выбрали... меня.

– Тш-ш, – очнувшись от комы, в которую меня погрузили чужие дети, я протягиваю руку, но на запястье тут же ложится чья-то широкая ладонь. Берет в кольцо, словно защелкивает наручник. Чувствую себя особо опасным преступником, пойманным на горячем. И кожей ощущаю негативные эмоции, которые мгновенно обволакивают меня, отравляя.

– Что вам нужно от моих дочек? – от грозных ноток в обманчиво спокойном голосе я невольно передергиваю плечами.

Тень надвигается на меня, заслоняя собой слабые лучи весеннего солнца. Девочки постепенно затихают и, как по волшебному щелчку, меняют кривые, расстроенные гримасы на лучезарные улыбки. Маленькие обманщицы. А мне теперь придется оправдываться перед их странным папой. Сурово зыркнув на кудряшек, я нехотя поворачиваюсь к мужчине, который ни на миг не ослабляет хватки.

– Ничего, – произношу будничным тоном. – А вам следовало бы внимательнее присматривать за своими детьми, – своеобразно защищаюсь.

Ныряю в мрачные омуты стремительно темнеющих глаз. На дне расширенных от гнева зрачков – холод и пустота. Таким взглядом убивают. Одним выстрелом – и сразу насмерть. И, кажется, незнакомец именно так бы и поступил со мной, если бы не дети.

Мысленно размазывая меня катком по асфальту, внешне он невозмутим. Поворачивает голову к дочкам, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. А маленькие актриски сияют,

хлопают длинными светлыми ресницами и смущенно ковыряют пальчиками пышные юбочки. Покосившись на них, с трудом сдерживаю улыбку и больше не могу обижаться и, тем более, злиться. Под детскими чарами смягчается и их грозный отец. Оценив состояние и внешний вид малышек, он отпускает мою руку.

– В ваших советах я точно не нуждаюсь, – припечатывает ледяной фразой. Окидывает меня пренебрежительным взглядом и обращается к дочкам. – Милые, я же просил не отходить от машины, – кивает за спину, на строгий черный автомобиль, под стать хозяину. Вот только несколько свежих ярких наклеек на крыле и возле фар, куда только смогли дотянуться детские ручки, выдают истинное положение дел.

Этому мужчине удастся совмещать тяжелый, жесткий характер и мягкое, внимательное отношение к детям. Как его еще не разорвало от бурлящих внутри противоречий. С таким раздвоением личности немудрено свихнуться.

– Пап, мы маму нашли, – бесхитростно выдают девочки и указывают на меня.

Невинные слова звучат четко и ясно, как приговор, который прямо сейчас выносит мне их отец. Казнить. Повесить, а потом четвертовать. Чтобы не посмела даже близко к его сокровищам подойти. В черных глазах вспыхивает необъяснимая ненависть.

– Нет, малышки, вы обознались, – аккуратно объясняю, наклоняясь к рыжим кучеряшкам. – Я не ваша мама. Но мы можем с вами дружить, – подмигиваю и подаю им обе руки, в которые они тут же вкладывают свои ладошки.

Переглядываются друг с другом, словно придумывают новый план захвата «мамы», косятся на отца – и кивают, делая мне одолжение. И на том спасибо. Потому что несколько напрягает нависший надо мной мужчина, который следит за каждым моим движением и контролирует каждое слово.

– Гиперопека никого еще до добра не доводила, – выдыхаю я, выпрямляясь. – Скорее, становится причиной неуравновешенности, которая порой может привести к истерии, – добавляю аккуратно, но с подтекстом. Хотя лучше просто уйти.

– Вы только что моих девочек неуравновешенными истеричками назвали? – вздергивает соболиную черную бровь мужчина. И вновь его эмоции я могу читать только по глазам. В остальном, он непоколебим, будто оброс камнем и при всем желании уже не сможет вырваться из своей оболочки.

– Пап, кто такая истисиська? – мгновенно реагируют малявки. Приподнимаю уголки губ, замечаю, что мужчина напротив делает то же самое. Неосознанно, инстинктивно. Но в следующий момент мы оба возвращаем себе стальные маски.

– Вообще-то я не их имела ввиду, – бросаю как бы невзначай.

И мысленно ругаю себя. У меня и так проблем выше головы – не скоро выберусь из той бездны, в которую меня кинул бывший муж при помощи своих юристов. Но вместо того чтобы двигаться дальше, я стою и препираюсь с незнакомцем. Наши пути даже не пересекутся никогда! И этих рыжих девчушек я вижу в первый и последний раз. От одной мысли, что мы прощаемся навсегда, становится больно.

Кажется, мне срочно нужен психолог. И гора антидепрессантов. Мое поведение становится неадекватным.

– О, это нам? – резко переключаются девочки на сверток в руке отца. Только сейчас замечаю логотип «Сладкая жизнь» на бумажном пакете и знакомую пометку, которую мы ставили на особых заказах, в которых должны быть исключены определенные ингредиенты.

– Аллергия? – машинально уточняю.

– Вы слишком навязчивы и любопытны, – осекает меня мужчина, передавая пакет дочкам и придерживая их за плечики. – Это тоже еще никого до добра не доводило, – возвращает мне мою же фразу. – Всего доброго, – выплевывает, как проклятие.

– И вам того же, – не теряюсь.

Но украдкой наблюдаю, как он ведет детей к машине, помогает им забраться внутрь, устраивает в автокреслах. Нырять в салон, позволяя крошкам по очереди чмокнуть его в щеку. И, совсем другой, довольный и улыбающийся, садится за руль.

Нервно, коротко сигналит, чтобы я отошла от обочины, и выезжает на дорогу. Цепляюсь взглядом за знак «Дети в машине» на заднем стекле – и хмыкаю, сглотнув горький ком, внезапно подступивший к горлу.

Семья. Которой у меня никогда не будет.

Глава 3

– Сколько тебя ждать-то можно? – раздается мерзкий голос, по сравнению с которым приказной тон мрачного незнакомца кажется песней. Незаметно сжав кулаки, я подавляю эмоции. – В отличие от тебя, у нас много дел.

– Привет, Алька, – небрежно бросаю, не оглядываясь. Много чести для такой дряни. – То, что у тебя с моим бывшим мужем, сложно назвать делами, – добавляю двусмысленно, с тонким флером ехидства. – И кафе тут точно не при чем.

Ревнивый, презирующий взгляд впивается мне в спину между лопатками, чтобы пронзить тело насквозь и окровавленным острием выйти из груди. Разрезать меня, уничтожить, убрать с пути.

Напрасная трата сил и эмоций. Сердца нет – нечего и терять. Вместо него и так сквозная дыра.

А на предателя я давно не претендую. Вырезала из груди и выбросила на свалку. Сразу же, как узнала о его похождениях. Я не прощаю ложь, и Женя прекрасно это знает. Видимо, его любовница не в курсе.

Ненавидит и боится меня.

– Не Алька, а Алевтина Николаевна, будущая хозяйка кафе. Поэтому оно очень даже «при чем», – важно произносит, но дрожащие нотки предательски выдают ее настроение. Она волнуется. И почему-то очень сильно.

Медленно поворачиваюсь на скрип – иначе нельзя назвать отвратительный, хриловатый, будто прокуренный, голос. Сканирую шуплую, угловатую фигурку невысокого роста, останавливаюсь на небольшом, едва оформленном животике.

Я бы не сразу заметила его между лапами пальто, если бы не знала, что Аля беременна. И если бы она так демонстративно не поглаживала результат порочной связи с чужим мужем. Будто гордится этим, как главным достижением в жизни.

Если бы я могла предугадать, что милая, пугливая, скромная студентка, которую я приняла на работу несколько лет назад, в итоге уведет моего мужа...

Впрочем, это ведь не она произносила клятву верности перед алтарем. Не она признавалась мне в любви. Не она обещала «долго и счастливо, пока смерть не разлучит нас».

Не она виновата.

На ее месте могла оказаться любая. В постели моего мужа.

Любая, кто смогла бы ему родить.

– Прости, Алька, привычка, – пожимаю плечами, и мой спокойный жест заставляет ее вспыхнуть от злости и обиды. – От вчерашней уборщицы до хозяйки? – окидываю ее надменным взглядом. – Шикарный карьерный рост. Сама-то в это веришь?

– Думаешь, любимка будет против? – с вызовом вздергивает подбородок.

– Любимка? – морщусь. Какая гадость и пошлость.

Аля встряхивает волосами, которые неестественной желтизной отливают на солнце, и я только сейчас обращаю внимание, что она зачем-то сделала себе завивку. И цвет изменила – осветлила локоны до каштанового, с рыжим оттенком. Макияж совсем другой: смоки-айс, визуально увеличивающий разрез глаз, румяные щеки, пухлые губы со слабым морковным оттенком.

Не выдержав, тихо смеюсь.

– Думаешь, украла у меня мужа, кафе, внешность – и это поможет тебе прикинуться хозяйкой? Стать лучше, чем ты есть? – безжалостно бью ее неудобными вопросами. И каждым – попадаю в цель. Она ведь сама сомневается в себе. – Или боишься потерять «любимку»? – заканчиваю серьезно и ядовито.

– Он к тебе не вернется, – произносит неуверенно и двумя руками обхватывает живот. Нашла, чем привязать бабника. Надолго ли? Или пока он не наиграется в папочку?

– Конечно, нет, – чеканю твердо.

Предавший однажды – предаст еще много раз. В этом я убеждена, поэтому не строю иллюзий по поводу Жени. Никаких вторых шансов. Ни ему, ни... другим мужчинам. Я просто не выдержу очередного болевого шока.

– Вот и не мешай нам, – успокоившись после моего ответа, она резко начинает наглеть. Но спесь внезапно слетает с припудренного лица. – Ой, – вжимает голову в плечи, зыряя куда-то за мою спину.

– Аля, я просил не приезжать сюда, – грозно летит со стороны кафе.

Женя стремительно шагает к нам, нервно оглядываясь по сторонам, изучает парковку, будто ищет кого-то. И, сложив руки в карманы, останавливается рядом со мной. Скользит по мне долгим, тягучим взглядом, будто изъяны ищет. И остается недоволен тем, что я по-прежнему ухожена и красива. Неужели он ждал, что я утону в слезах и опущусь без него?

Хотя я действительно страдала. Очень. До сих пор чувствую себя так, будто все внутренности порубили, легкие перекрутили в фарш, а сердце вырвали. Но никогда не покажу истинные эмоции. Только не ему.

Натягиваю лучезарную улыбку на лицо. Сильнее раздражаю бывшего. Хотя он и до меня был на грани.

Какая нервная семейка.

– Заходи в кафе, поговорим, – холодно обращается ко мне.

Вопросительно выгибаю бровь, удивленная таким строгим тоном. Привык любовнице приказывать? Забыл, что я другая?

Смело смотрю в его серые глаза, сканирую каменное лицо, напряженные плечи. Наклоняю голову набок. Ловлю расстроенный взгляд бывшего.

Не забыл.

– О чем, дорогой? – специально провоцирую обоих. На Алю моя фраза действует безотказно. Понимаю это по сдавленному змеиному шипению.

Женя вздыхает тяжело и, потерпев со мной неудачу, решает выплеснуть свой гнев на любовницу.

– А ты уезжай! Не мелькай здесь, я же предупреждал, – цедит сквозь зубы.

Покосившись на Альку, я не сдерживаю язвительного смешка. Хозяйка. Какое громкое звание для мелкой дряни. И отношение к ней соответствующее. Ее скрывают, как нечто постыдное.

– Женечка, я соскучилась. Захотела тебя увидеть перед тем, как поеду к врачу, – Аля прижимает ладонь к животу. Натирает его судорожно, будто пытается джинна из лампы вызвать.

Бедный малыш, который стал лишь средством достижения цели. Он ведь им обоим не нужен по-настоящему. Одной – чтобы мужика подцепить, другому – для статуса.

– Такси вызвать? – с нажимом чеканит «любимка». Выудив из кармана телефон, демонстративно прокручивает его в руке.

– Я за рулем, – бубнит себе под нос Аля, надувает губы и кивает в сторону красной дамской машинки. – Осваиваю твой подарок, – сменив обиду на милость, игриво улыбается.

Цокаю, обреченно покачав головой. Какой щедрый подарок. Женя тратит на любовницу то, что отсудил у меня. Вот это насмешка судьбы!

– Иди уже, – отмахивается бывший, покосившись на меня. Значит, моя догадка правильная. От этого еще противнее на душе.

Неугомонная любовница переминается с ноги на ногу, а потом все-таки подается вперед, чтобы поцеловать Женю в щеку и промурлыкать ему что-то на прощание. И пока он не разо-

злился, цокает в неудобных туфельках к автомобилю. Не высоковаты ли каблучки для беременной? Впрочем, не мое дело.

– Знаешь, «любимка», – тяну с сарказмом, а сама провожаю Алю взглядом. – Твоя фраза: «У нас все само как-то завертелось» – обретает новый смысл. В полицию обращался? – бросаю на полном серьезе.

Не глядя на Женю, шагаю ко входу в кафе. Мне бы быстро собрать свои вещи – и никогда больше сюда не возвращаться. Как бы горько это ни звучало.

– Зачем? – догоняет меня со спины.

– С заявлением об изнасиловании, – тихо хихикаю. Немного нервно. – По легенде, ты же из нас двоих жертва. Хотя Алька такая навязчивая, что я начинаю верить, что ты правда не виноват в измене, – оглянувшись, смеюсь ему в лицо.

– Верка, не беси меня! – чуть ли не рычит бывший, ускоряя шаг. – Шуточки твои идиотские я никогда не понимал.

– Не только их, – добавляю тихо и ровно. – Ты и меня не понимал. Непонятно только, зачем женился.

– Полюбил, – обгоняет меня и любезно открывает передо мной дверь. Моего, черт возьми, кафе! – Такой вариант ты не рассматриваешь?

– Не смейся. Больше я на твоё вранье не куплюсь, – фыркаю недоверчиво. – Кстати, от кого свою новую любовь прячешь?

– Не твоё дело, – подталкивает меня внутрь.

– Стесняешься? – выплюнув это слово, прохожу в холл.

С тоской осматриваю интерьер. Я душу вложила в каждую деталь, а сейчас у меня все отнял человек, которого я любила. Жестоко.

– Ревнуешь? – самодовольно спрашивает Женя.

– Ревнуют свое. То, на что имеют право, – несмотря на острую боль, отвечаю с улыбкой. – А общественный туалет – он ведь для всех. Какие тут могут быть права?

– Ревну-уешь, – тянет противно. – Между прочим, сама виновата. Я не хотел расходиться. Это ты подала на развод.

Собирается помочь мне снять куртку, но я убираю его руки со своих плеч. Делаю все сама. Давно пора было стать независимой.

– Что мне было делать после того, как я интимные фотки Альки в твоём телефоне нашла? Помочь ей выбрать нижнее бельё получше, а не ту безвкусную ерунду? – скрываю жгучую обиду под соусом сарказма. – Или ты хотел, чтобы мы вдвоем жили? – оставив гардеробную, привычно направляюсь на кухню. Напоследок. – Счастливой шведской семьёй?

– Не передергивай, – спешит следом бывший, будто боится, что я украду у него что-нибудь. Хотя все здесь – МОЁ! – Будто мало таких пар, где муж налево ходит. И ничего, жена прощает – и живут дальше. А ты гордая слишком. Вот поэтому и осталась без ничего.

Резко останавливаюсь – и Женя едва не впечатывается в меня. Но я не позволяю ему к себе прикоснуться. Отшатываюсь.

Смотрю со злостью в идеальное лицо, на которое когда-то повелась. Говорят, только мужчины любят глазами. Ошибаются.

Я эстет и тоже искала себе суженого по внешности.

Женя оказался в моем вкусе: высокий, симпатичный, накачанный блондин. Словно только сошел с обложки журнала. Подруги предупреждали, что красивые мужчины – для всех. Такими придется делиться.

Не верила, а зря.

Наливное яблочко из райского сада оказалось с гнильцой и червями внутри.

– Я осталась без ничего, потому что твой юрист – жулик, – шиплю, приближаясь к нему вплотную. – Не зря ты его фамилию упорно скрываешь.

– Он мастер своего дела. А ты дура, – шумно выдыхает. – Но никогда не поздно все вернуть.

Усмехнувшись, скептически свожу брови к переносице.

– Женя, у тебя любовница беременна, – напоминаю, словно о таком можно забыть. – Как же ребенок?

– Ребенка усыновим, – невозмутимо предлагает. – Он же мой. А ты все равно своих иметь не можешь. Какая тебе, на хрен, разница?

Выдержка трещит по швам. Пока я пытаюсь мысленно склеить то, что от нее осталось, моя ладонь сама взмывается вверх. И на всю кухню раздается хлесткий звук пощечины. Прокатывается эхом.

Ох, черт!

Глава 4

Вера, ты не могла выплеснуть эмоции чуть позже? После того, как спокойно забрала бы вещи и документы из кабинета, попрощалась с командой... А в идеале, вообще запихнуть обиды как можно глубже и держать чувства в узде. До последнего. Чтобы уйти отсюда с гордо поднятой головой.

Но нет... Дипломатия не мой конек. Я слишком импульсивная и честная, за что постоянно себя ругаю.

Кому легче стало от этой оплеухи?

Мне? Ни капли. Внутри все бурлит и клокочет, будто за секунду до извержения вулкана. Ладонь нещадно жжет огнем, а запястье попадает в болезненный капкан, когда Женя перехватывает мою руку.

Ему?

Смело впиваюсь взглядом в багровое от гнева лицо. Вижу, как раздуваются крылья носа, как губы сжимаются в тонкую нить, как подсакивают желваки. И осознаю, что терпеть его не могу. Полностью. Внешность, манеры, слова – раздражает все! Правильно говорят, что от любви до ненависти один шаг. Я не собиралась его делать, но муж сам толкнул меня. Прямо в пропасть.

И теперь играет такое искреннее возмущение, что хочется дико рассмеяться.

Грубые пальцы сильнее впиваются в мою руку. Надавливают там, где бьется пульс, будто собираются остановить его.

Кажется, наша ненависть взаимна...

– Вера Александровна, добрый день, – доносится сбоку знакомый мужской голос, и я машинально поворачиваю голову на звук.

Реагирует и Женя. Раздраженно, дергано, скрипнув зубами, он зыркает на того, кто посмел помешать ему убивать бывшую жену. И нервно откашливается.

– Добрый, Матвей, как у вас здесь дела? – произношу спокойно и легко. И не могу побороть улыбку.

Здоровый детина с черном поварском фартуке устрашающе поднимает шеф-нож и перекладывает из руки в руку. Хмуро поглядывает на Женю, но продолжает делать вид, что ничего не понимает. Знает, что я не люблю, когда кто-либо вмешивается в мою личную жизнь. Пусть даже разрушенную. И не хочет меня оскорблять своей помощью. Но это не мешает ему приглядывать за мной.

Впрочем, одного его вида хватает, чтобы Женя отпустил мое запястье и сделал шаг назад.

– Возвращайся к работе. Полный зал клиентов, – со сталью в предательски подрагивающем голосе говорит он. Лжет. Посетителей не так много. Просто избавляется от ненужного свидетеля.

Женя потирает алую щеку, зло косится на меня и принимается поправлять лацканы пиджака.

– В целом хорошо, Вера Александровна, – проигнорировав его приказ, Матвей невозмутимо отчитывается передо мной. – Но вы почему-то давно не заезжали, и у нас накопились вопросы. Нужно сделать несколько важных заказов. Когда мы можем все обсудить?

– Иди на кухню, – цедит бывший, а я прищуриваюсь с подозрением. – Позже все решим...

– Стоп! – вскрикиваю, догадавшись, в чем дело. – Ты не сказал им? Умно-о, – демонстрируя широкую голливудскую улыбку, я хлопаю в ладони. И поворачиваюсь к шеф-повару: – Матвей, все вопросы вы теперь будете решать с Евгением Никитичем, – сообщаю ему, несмотря на предупреждающий кашель бывшего. – Я больше не хозяйка кафе.

Нож с характерным звуком врезается острием в деревянную доску и остается там, пока Матвей вытирает руки о фартук.

– Нет, Вера Александровна, мы не в курсе, – растерянно тянет он. – Это многое меняет, – добавляет задумчиво.

– Ничего не меняется, – чеканит Женя и берет меня под локоть, на этот раз гораздо аккуратнее. – У нас с Верой Александровной деловые переговоры, а потом я объявлю всем окончательное решение.

– Интересно, – фыркаю удивленно, а он ведет меня через кухню в административное крыло.

Закрываемся в моем кабинете. Точнее, теперь здесь все принадлежит ему. И его беременной подстилке.

Стараясь не смотреть на изменника, чтобы не сорваться, я начинаю собирать вещи по пакетам и коробкам. Дипломы в рамках, сертификаты, рабочий ноутбук, блокноты с заметками... Задерживаюсь на фотографии, где запечатлены мы с Женей. Счастливые, влюбленные. Но все оказалось ложью...

Оставляю снимок на столе.

– Значит, точно ко мне не вернешься? – сложив руки в карманы, Женя меряет шагами пол.

– Точно, – выпаливаю без сомнений.

– Ты можешь остаться здесь, – вдруг предлагает. – Назначу тебя, допустим, управляющей кафе. И занимайся дальше любимым делом. Я ведь не урод и не тиран какой-то, все понимаю. Ты без работы осталась, тебе деньги нужны...

– Не-ет, ты не тиран, – цокаю языком. – Ты очень хитрый жук, который пытается усидеть одним задом на двух стульях, – складываю коробки у входа, чтобы удобнее было нести к машине. – Ты ни черта не смыслишь в этом бизнесе, поэтому тебе по-прежнему нужна я. Хочешь, чтобы я пахала на тебя и твою куклу?

– Да при чем тут Алька. Ей здесь ничего не обломится, так что ты не будешь ей подчиняться, не переживай, – отмахивается он.

– Зато тебе – буду, – шумно дышу носом. – И такой расклад меня не устраивает.

– Твой ответ «нет»? – становится напротив.

– Повторить? – сталкиваемся взглядами.

– Тогда я переделаю все твое кафе. Видела, уже вывеску сняли? А ты можешь это остановить...

– Иди к черту, – цежу сквозь зубы. – Я буду оспаривать решение суда, – бросаю угрозу. – Так что ты прав, у меня еще есть шанс все остановить.

Возвращаясь к шкафу, распаиваю створки, проверяя, ничего ли не забыла.

– Наивная, у тебя столько денег нет, чтобы хорошего адвоката нанять. Я ведь просто так тоже не сдамся. Лучше прими мои условия, – давит, но от этого я лишь сильнее брыкаюсь.

– Никогда, – сжимаю кулаки. – Деньги не проблема. Найду себе богатого любовника. Дурачка типа тебя. Алька же смогла. Чем я хуже?

– Не шути так, – злобный жар касается затылка. – Ты выше этого. Слишком правильная. Скорее, слишком глупая и доверчивая. Но я исправлюсь.

– Так, осталось забрать книгу авторских рецептов из кухни, – перевожу тему в другое русло. – И я откланяюсь из пока еще вашего кафе, Евгений Никитич.

Прижав одну из коробок к груди, направляюсь на выход. Нажимаю на ручку двери, тяну на себя и замираю.

– А это собственность кафе, – Женя специально добивает меня. Назло.

– С каких пор? – оглядываюсь.

– Но если ты останешься у нас управляющей... – нагло ухмыляется.

– Катись в ад, дорогой, – вылетаю на кухню.

Собираюсь проскочить мимо команды, чтобы никто не видел меня такой – разбитой и уничтоженной. Но... Врастаю в пол, едва не выпустив коробку из рук. Сдуваю кучеряшки со лба.

Боже, да я такое только в фильмах видела. Только бы не расплакаться впервые в жизни...

Весь персонал кафе выстроился в стройную шеренгу, перегородив мне дорогу к выходу. Вытянулись по стойке смирно, как солдаты. Только руки сцепили в замок перед собой. И зафиксировались в одинаковых позах.

– Вера, что ты здесь устроила? – шипит мне в спину бывший.

Передергиваю плечами от отвращения. Инстинктивно делаю шаг вперед.

– Вы все-таки уходите? – уточняет Матвей.

Не в силах вымолвить ни слова от накатившей тоски, я лишь слабо киваю.

Как по команде, все без исключения снимают с себя фартуки и складывают ровной стопкой на столе.

Что это? Восстание? Или плевков в лицо новому владельцу?

Смело, пафосно, но... невероятно глупо.

Мы дружно застываем, как сахарные фигурки на торте.

В полной тишине слышен гул холодильников и шум посетителей из зала. Внутри кухни время будто остановилось.

Женя прочищает горло, чтобы открыть пасть и наверняка наорать на МОЮ КОМАНДУ, но я опережаю его. Не позволю. Не при мне!

– Так, бездельники, это что за шутки? – включаю командирский голос, и боковые фланги вздрагивают. – Марш работать!

Младшие сотрудники послушно разбегаются по своим местам. Как трудолюбивые муравьи, принимаются за дело.

– Ваши семьи кто кормить будет, если вы лишитесь работы? – быю по мужской половине. – А детей? – достается и женщинам.

Тяжело вздохнув и переглянувшись, кухонные работники уныло разбредаются. Разумеется, не все.

Зачинщики бунта остаются непоколебимы. Мужская троица, которая вместе со мной стояла у истоков. Мы поднимали все и выстраивали по крупницам. Без них бы я не справилась тогда. Шеф-кондитер и его помощники. Почти три богатыря, только вместо щита и меча у них поварская книга и нож для фруктов.

Усмехаюсь – и сталкиваюсь взглядом с Матвеем. Отрицательно качаю головой. Провокатор.

– С тобой отдельно поговорим, – передаю ему коробку. Жестом приказываю помощникам отойти.

– Вера! – рычит позади Женя, отойдя от шока. Но воспринимаю его как надоедливую дворняжку, которая бежит за велосипедом, пытаясь цапнуть шину.

– Всего вам доброго, ребята. И спасибо за работу, – произношу искренне и покидаю кафе, пока ноги еще держат.

Матвей помогает мне перенести вещи, пока Женя провожает нас отупевшим взглядом. В итоге, наплевав на нас, бывший скрывается в кабинете.

Жду в машине шеф-кондитера, который сегодня заменил грузчика. Как-то долго он несет последнюю коробку. Потерял по пути? Или Женя отвлек?

Выдыхаю с облегчением, когда, наконец, вижу Матвея. Выхожу к нему навстречу.

– Брось, у тебя больные родители, – дружески хлопаю бугая по плечу. – Подумай о них. Кто будет зарабатывать им на лечение, если ты уволишься?

– Вы, Вера Александровна, – ухмыляется довольно, будто нашел выход. – Все это... – окидывает рукой кафе, – появилось благодаря вам. И нас с ребятами вы «сделали». Взяли без опыта работы, обучали, отправляли на курсы. Добро нельзя забывать.

– Вы оплатили мне преданностью и трудом. И ничего больше не должны, – отмахиваюсь. – Теперь наши пути расходятся.

– Все равно ваш муж просрет все, – неожиданно грубит. – Вопрос времени.

– Матвей, – осекаю его, возвращаясь за руль.

Подсознательно я с ним согласна, и от этого больно до обморока.

– Извините, но... – наклоняется к открытой двери. – Вы должны опять создать свое дело, а мы поддержим.

– У меня не осталось сил, – прячу взгляд.

Не хочу видеть разочарованное лицо шефа. Сама понимаю, какая я жалкая. Сдалась.

– Вера Александровна, вы забыли еще кое-что, – зовет меня Матвей, вырывая из туманной дымки, где я занимаюсь самобичеванием.

– Что? – поднимаю голову.

Он оглядывается по сторонам, а потом каким-то образом, словно фокусник, достает из-под поварского кителя книгу формата А4.

– Как ты... – ахаю и бережно поглаживаю потрепанную обложку. Пролистываю рецепты, нахожу свои пометки на полях. Тяну уголки губ вверх, заново учусь улыбаться, тем более, повод есть.

– Перестраховался, пока вы в кабинете были. И еще скачал все с нашего компьютера, а жесткий диск почистил, – протягивает мне флешку. – Мало ли.

– Тебе влетит от хозяина за эту диверсию, – неодобрительно качаю головой, но «добычу» забираю.

– Я служу одному, – салютует мне двумя пальцами. – Жду вашего звонка и дальнейших инструкций, – развернувшись, направляется в кафе, не позволив мне возразить.

На автопилоте возвращаюсь в скромную бабушкину квартирку на окраине города. От Жени я съехала в тот же день, как нашла в его телефоне доказательства измены. Сразу же после того, как он сам подтвердил, что это не чья-то глупая шутка и не ошибка. Не словами, нет. Лгал и отпирался мой благоверный до последнего. Но взгляд, мимика, рваные движения – все его поведение вопило о том, что он предал меня. Растоптал наши клятвы.

После долгого разговора Женя все-таки сдался. Виновато, едва заметно кивнул. И бросил фразу, которая врезалась мне в душу:

– Это ничего не значит. Ты же умная, сознательная женщина, Вера, и не уйдешь от меня из-за небольшого проступка... Ведь так?

Оказалось, не так. В тот же вечер я собрала чемоданы и уехала, хлопнув дверью.

Потом... Начался ад...

Попытки Жени извиниться сменились угрозами. А в ответ на заявление на развод мне пришел вызов в суд. Жизнь разделилась на «до» и «после».

И сейчас я варюсь в этом «после» и не знаю, как выбраться живой и невредимой.

Переступаю порог пустой, холодной бабушкиной квартиры. Я вернулась сюда несколько месяцев назад, но толком не разобрала вещи. Не могла принять новую реальность. Словно уехала в командировку на повышение квалификации и сняла номер в отеле. Временно. И, казалось бы, мне вот-вот возвращаться домой... А больше некуда...

Ставлю коробки в прихожей – и, сбросив обувь и куртку, сразу иду в душ.

Становлюсь под хлесткие струи воды прямо в одежде. Хочу смыть с себя этот день. И все, что было «до». Забыть, отпустить, похоронить.

Но пока не могу. В груди гудит дрель, пробивая новые дыры и превращая меня в решето.

Замерзаю. Переключаю кран на теплую воду. И стою так еще некоторое время, уткнувшись лбом в стеклянную стенку.

Дышу машинально. Живу по инерции. Труп, биоробот.

Касаюсь пальцами щек. Смахиваю капли.

Вода. Это просто вода.

Сбрасываю с себя одежду, яростно натираю тело цветочным гелем. Сбиваю с полки разноцветные баночки со скрабами, молочком, кондиционером и прочими женскими штучками. Зачем все это? Для кого?

Идеальная и никому не нужная. Уступила какой-то случайной студентке-уборщице.

Встряхиваю себя мысленно.

И поднимаю всю косметику. Сцепив зубы, провожу привычные процедуры.

Для себя, черт возьми! Для себя!

Стараюсь не смотреть в зеркало, чтобы не видеть себя разбитой. Благо, оно запотело – и отражает лишь очертания. Укутавшись в халат, бреду в небольшую спальню.

Падаю на кровать, не расстелив ее.

Не сплю. Разучилась. Смотрю в потолок.

Не плачу. Высохла и опустошена.

Не чувствую. Погибла.

Думаю. Слава богу, хоть мозг еще шевелится, пока все остальное разлагается.

Размышляю о будущем. Надо существовать как-то дальше. Не жить, нет. Я могла бы попробовать воскреснуть после развода. И у меня бы получилось, уверена. Но потеря любимого дела меня добила. Расколола пополам. Одна часть сдохла окончательно, а вторая – барахтается из последних сил, пытаюсь взбить из молока масло, как лягушка из притчи.

«Матвей, я согласна. Буду пробовать начать все с нуля», – отправляю короткую эсэмэску.

Ноль. Это все, что я имею на сегодня. Хуже ситуации сложно представить. Падение после взлета. Об асфальт. Вдребезги.

«Понял. Соберу ребят. Есть несколько предложений. Выслушаете?»

«Я всегда открыта для конструктивного диалога».

Особенно сейчас...

Выплыву. Обязана.

Вопреки. Назло. И еще... из мести.

Глава 5

Константин

– Папуля плоснется и налугает нас, – слабый шепот напоминает шум волн.

Прохладные брызги касаются ног, капли ложатся на ногти и стекают по ступням. Видимо, шторм усиливается – и вода добивает выше. К рукам. По тыльной стороне ладони пробегает ветерок. Пальцы покалывает, словно после онемения.

Немного щекотно. Слегка похоже на массаж. Но за четыре года я четко уяснил две истины: тишина – признак беды, а первое впечатление всегда обманчиво.

Нехотя разлепив веки, некоторое время неподвижно лежу, уставившись в потолок. Пытаюсь по солнечным зайчикам определить, который час, а по собственным ощущениям – что со мной делают.

– Наругает. Зато опоздает и не уедет в свою идиотическую ферму, – второй голос звучит вкрадчиво, заговорщически. А ладошки поглаживают и похлопывают предплечье, будто гипс мне накладывают.

Не помню, чтобы я руки ломал. Впрочем, вся неделя выдалась такой насыщенной и тяжелой, что пронеслась как в тумане, вытянув из меня последние соки. Еще дочки капризами добили: требовали маму. Понимаю, что им ее не хватает. И рано или поздно они должны были задать этот вопрос. Но я пока не придумал, какую сказку сочинить для них. Ведь как объяснить, что их мать – обыкновенная дрянь?

– Юридическую фирму, – поправляю машинально. Осторожно разминаю затекшую шею, приподнимаю голову с подушки, дергаю рукой, шевелю ступнями и пытаюсь на ощупь определить, что там копошится у меня в ногах.

– Папу-улька, плосну-улся? – нараспев тянет Маша откуда-то снизу. С нотками волнения.

– Доброе утро, – виновато произносит Ксюша совсем рядом, где-то под боком.

Улыбка, не спрашивая разрешения, сама растекается по лицу. Но через секунду слетает на пол, а следом за ней чуть не падаю я сам.

– О-ой, – два тонких вскрика сливаются в один протяжный писк. А по ногам разливается что-то вязкое и липкое.

Пытаюсь привстать на локтях, пока под ногами чавкает болото. Балансируя на матрасе, оглядываюсь спросонья, спотыкаюсь о растерянные, но хитрые взгляды дочек – и постигаю дзен.

Если бы я паниковал и злился каждый раз, когда они что-нибудь натворят, то давно бы или получил разрыв сердца, или обзавелся нервным тиком.

– Замрите, – спокойно, но строго произношу, когда малышки испуганно соскакивают с матраса и шлепают босыми ножками по паркету.

Топот резко обрывается. Значит, послушались, а мне можно перевести дыхание. И оценить масштаб утренней катастрофы.

Прежде всего, ищу телефон и, обнаружив его под подушкой, провожу грязным пальцем по дисплею. Оставляю фиолетовый след. Судя по консистенции, это пятно от масляных гипоаллергенных красок.

– Не так страшно, – бубню себе под нос, пока девочки ждут приговора. – Отмоется, – фокусирую взгляд на циферблате. – А это уже хуже, – сдавленно добавляю и прочищаю горло.

Покосившись на дочек, застывших, как морские фигуры, я невольно издаю хриплый смешок. Они в таком возрасте, когда каждую фразу воспринимают буквально. И это мило. Было бы... Если бы я не проспал сигнал будильника!

– Зачем телефон спрятали? – предполагаю, что это их рук дело. И, судя по вытянувшимся мордашкам, попадаю в цель.

– Звонил громко, – признается Ксюша. – Чтобы ты поспал, – отмерев, ковыряет пальчиками веснушки на руках.

– Папуля, давай выходной? – Маша взмахивает светлыми, почти незаметными на солнце, но длинными ресничками.

Укоризненно покачав головой, рискуя перевести внимание на кровать. Простыни испачканы красками и залиты мутной водой, в которую малышки макали кисточки. Вокруг разбросаны какие-то бумажки, клей, палитра, тюбики с блестками...

Что ж, набор для детского творчества наконец-то пошел в дело. Это плюс. Дети развиваются.

– Выходные у меня будут на выходных. А сегодня мне надо на работу, – задумчиво отвечаю, слышу разочарованные вздохи дочек и выпрямляюсь.

С опаской осматриваю свои руки и ноги. Левое предплечье и правая щиколотка в наклейках. В жестких волосках увязли блестки, отчего кожа переливается на свету. На ногтях – разноцветные отпечатки пальцев.

А вот это все, конечно, минус...

СПА-процедуры, маникюр и педикюр – ол инклюзив за какие-то полчаса. Девчонки постарались на славу. Тем не менее, все исправимо.

Поэтому невозмутимо зеваю и потягиваюсь.

– Отомрите и марш в ванную, – киваю дочкам, и они, понутив головы, плетутся к двери.

Кое-как вытерев руки и ноги о постельное белье, сгребая его вместе с «орудиями преступления» – и несу узел в стирку. Хотя, наверное, следовало бы сразу в мусорку. Но такими темпами я скоро без вещей останусь.

– Папуль, ты злой? – дует губки Маша, когда я ставлю ее под теплый душ прямо в пижаме.

– Ты нас больше не лубишь? – шумно всхлипывает Ксюша, следуя за сестрой.

Обе так испачкались, пока меня «апгрейдили», что придется их купать. Хмыкнув и пожав плечами от безысходности, я набираю ванну.

– Я огорчен вашим поведением, – иначе формулирую фразу Маши. – Но это не повлияет на мое отношение к вам. Я вас всегда буду любить, – произношу абсолютно искренне, но, наверное, недостаточно эмоционально.

С каждым годом я все больше напоминаю робота, действующего по заданной программе. Работа-дом-дети. На эмоции не остается сил. Но дочкам хватает даже моей скупой нежности, чтобы взвизгнуть, хлопнуть в ладоши и броситься мне на шею.

Обнимаю двух крошек, наклонившись, прижимаю их к груди, поглаживаю по спутанным кудряшкам. И, несмотря на хроническую усталость, чувствую прилив энергии.

– Извини, пап, мы больше не будем, – хором выдают мои маленькие "батарейки".

Ухмыляюсь недоверчиво. Будут. Еще не раз. И придумают что-то более изощренное. Потому что они дети. Которым остро не хватает внимания.

– Надеюсь, вы сегодня будете слушаться няню, – манипулирую ими, вызывая к еще не затихшему чувству вины. Срабатывает. Дочки активно кивают, шаркают ножками и строят из себя ангелочков. Ну-ну. Надолго ли хватит?

Пока мои лапочки плещутся в воде, беру специальные детские гели и шампунь. Пришлось повозиться, чтобы подобрать средства, не вызывающие сыпь. Но даже их наношу немного.

Выполняю привычные действия, а в голове целый рой мыслей. Думаю, как успеть в офис и распланировать свой день. Прикидываю, каких клиентов я обязан принять лично, а кого вполне могу сплавить на ребят. И вопрос не в статусе или финансовом положении того, кто обратился к нам за помощью.

Я выбираю только самые сложные дела, которые меня интересуют. И где надо пободаться, чтобы восстановить справедливость. Остальные – распределяю между подчиненными. У меня работает команда профессионалов, которым я доверяю...

Впрочем, нет. Лгу. Я давно никому не верю на все сто процентов.

– А вечелом пойдем гулять? – договаривается Маша, и его голосок тонет в шуме фена, которым я бережно подсушиваю непослушные кудри.

– Зависит от вашего поведения, – многозначительно тяну.

– А в кафе поедем? – уточняет Ксюша.

– Туда, где мама, – звучит от них обеих. Обычная фраза поражает меня разрядом тока. И, на мгновение поддавшись вспышке гнева, я выдергиваю вилку из розетки.

Напряженно смотрю в каре-зеленые глаза малышей, наполненные надеждой. И не могу издать ни звука – в горле отравляющая горечь.

Звонок домофона становится моим спасением, отсрочив неизбежный разговор. Возможно, когда-нибудь я буду к нему готов. Но пока...

– Ярослава Ивановна приехала, – вывожу дочек из ванной. – Она досушит вам волосы и сделает хвостики. А папе собираться надо, ладно?

Приседаю рядом с ними, беру крохотные ладошки в свои лапы. Сжимаю бережно.

– Ла-адно, – с грустью соглашаются Маша и Ксюша. Я должен уделять им больше времени, но и деньги зарабатывать нужно. Чтобы у моих детей было все, что только ни попросят.

– Вот и умницы, – шепчу с улыбкой и целую обеих в щечки.

Передаю самое дорогое, что у меня есть, в надежные руки Ярославы Ивановны. Той самой женщины, которая оказалась рядом с нами в сложный период. На протяжении четырех лет она поддерживает меня и помогает с дочками. Хоть и устала сидеть с ними целыми днями, но отказать не может. Сколько бы я ни пытался найти ей замену или хотя бы помощницу, но все мимо. Ни одна няня не вызывает у меня доверия. Сплошные выдры и бестолочи.

– Доброе утро, Константин Юр... – звонко приветствует меня Ярослава Ивановна, но осекается, изучив мой «разукрашенный» внешний вид. Конец ее фразы теряется в добром смехе. – У вас, я смотрю, оно было очень добрым.

– Ничего страшного, – отмахиваюсь. – Я в душ. Займетесь лапочками? – киваю на растрепанных девочек в ярких махровых халатиках.

– Конечно, – приобнимает их за плечики, а я чувствую легкий укол ревности. – Сейчас мы переоденемся, позавтракаем и будем заниматься...

– А мутики? – возмущаются обе, пока няня уводит из их на кухню.

– Разбаловал вас папа! А мультики после занятий, – она остается непоколебимой, хотя я бы сдался быстро.

Дочки крутят мной, как хотят. Только им двоим я это позволяю. Пусть делают со мной, что пожелают. Мои сокровища. Мой смысл жизни.

Проводив их тоскующим взглядом, я с трудом заставляю себя подняться в комнату. Привожу себя в порядок – и едва не рычу, когда раздается телефонный звонок.

Начальство не опаздывает, а задерживается. И я миллион раз говорил подчиненным присылать мне сообщения, а не трезвонить, когда я дома с детьми.

Уволю того, кто посмел ослушаться четкого приказа. Настроение у меня соответствующее!

Скользнув взглядом по дисплею, мрачно свожу брови.

Неизвестный номер. Какого хрена?

– Воскресенский, – важно бросаю в трубку.

– Кость, привет, это я. Узнал? – голос из прошлого на миг парализует. – Я хотела бы увидеть... вас.

– И кто это? – бросаю небрежно и холодно.

Прислушиваюсь к себе: ничего. Совсем. Пусто внутри. Даже злости не осталось. Ни-че-го.

Зажав телефон между плечом и ухом, невозмутимо поправляю манжеты рубашки. Замечаю на белоснежной ткани слабый фиолетовый отпечаток пальца. Моего. Когда и где я в это влезть умудрился? Я же все отмыл. Себя, комнату, пол. Вроде...

Окидываю хмурым взглядом помещение, цепляюсь за крохотные следы на тумбочке и перевернутый тюбик краски под ней. Значит, упустил.

– Да черт, – сокрушенно выдыхаю себе под нос, забыв, кто ждет моего ответа на другом конце линии.

Зыркнув на циферблат часов, понимаю, что времени в обрез. Не успеваю даже рубашку сменить. Затираю пятно влажными детскими салфетками. Выбираю запонки, которые смогли бы частично прикрыть размытый след. Застегиваю их на ходу, пока спускаюсь по лестнице.

– Не делай вид, что не знаешь меня, не поверю, – слышу, как стерва усмехается. Самонадеянно, уверенно, будто ждет, что все станет, как раньше, а я по щелчку ее пальцев вновь превращусь в любящего мужа. – Нельзя запрещать родной матери видаться с детьми. Ты ведь не такой, Кость. Я скучаю по ним. Сердце болит. Позволь мне встретиться с моими дочками.

Останавливаюсь в гостиной, врезаюсь пальцами в корпус телефона и, вытянув шею, заглядываю через арку в кухню. Девочки сидят за столом, болтают ножками и смешно морщатся, когда няня ставит перед ними тарелки с кашей. Застыв в неудобной позе, я не свожу с них глаз. Слежу так пристально и настороженно, будто им грозит опасность.

Моторчик лихорадочно крутится в мозгу, перематывая пленку и запуская картинки прошлого. Включаю здравый рассудок, а дикий страх потерять детей заталкиваю в самый дальний уголок души и затаптываю, чтобы не смел больше выползть.

Четыре года назад я все сделал четко. Несмотря на раздраз в голове, дыру в груди и бессонные ночи, я подошел к самому главному делу своей жизни с умом и ответственностью. Даша была лишена родительских прав – она собственными погаными руками подписала отказ. А я сохранил все документы. Официально у Марии и Ксении Воскресенских есть только отец. Так и останется. Навсегда.

Единственное, что может сделать Даша, – манипулировать чувствами малышей, которые все чаще спрашивают о маме. Но я скорее ту рыжую бестию из кафе приведу, чем подпущу к ним тварь, которая их бросила.

– Вы ошиблись номером, – хмыкаю с показным спокойствием. – Здесь нет ничего вашего.

Отключаю телефон и едва не запускаю его в стену. Одергиваю себя в последнюю секунду, потому что перехватываю растерянные взгляды дочек. Выжимаю кривую улыбку, цепляю на лицо маску доброго папочки, когда внутри пляшет дьявол. Отбивает чечетку по моим нервам.

Дрянь! Все-таки сумела вывести меня на эмоции. За каких-то несколько минут. Неудивительно, ведь она знает меня в совершенстве. Изучила все слабые места. Но ошибается в главном: прошло то время, когда я боготворил ее.

Любил? Да, не буду отрицать. Слепо и глухо. Обожал. Готов был пойти на все ради нее. И ведь пошел. После успешного ЭКО таким счастливым себя чувствовал. О Даше заботился. Более того, я гордился ею. Считал такой сильной и смелой, раз она прошла все круги ада. Забеременела, выносила двойню, что для меня было сродни фантастике. Я всегда уважал женщин, которые двигаются только вперед, через преграды, не сворачивая, добиваются своей цели, не отчаиваются.

Но по поводу жены я жестко ошибся. Цели у нас с ней оказались разные. А в сложной ситуации она продемонстрировала слабость и подлость. Если первое я смог бы простить, то второе – никогда.

– Папулька, а цевоваться, – девочки срываются с мест и, несмотря на причитания няни, мчатся ко мне.

Часы бьют восемь раз. Я уже должен быть в компании, а сам еще даже из дома не вышел. Тем не менее, я выделяю время на нашу маленькую утреннюю традицию. Это святое.

Наклоняюсь к лапочкам, аккуратно целую их по очереди в лобики, а потом подставляю лицо. Почти синхронно они чмокают меня в обе щеки. Обнимают за шею, повисая на мне. Подхватываю дочек на руки, подкидываю под аккомпанемент звонкого детского смеха – и мы «летим» на кухню.

Ярослава Ивановна, махнув рукой, оставляет свои воспитательские замашки. С улыбкой наблюдает за нами. Терпеливо ждет, пока мы попрощаемся.

– Так, вы не балуйтесь, – стараюсь подкрутить строгость в своем голосе на максимум. Судя по смеху няни, получается неубедительно. – А вы... если что, звоните. Как обычно. Подниму трубку, несмотря ни на что, – напоминаю ей.

– Злоупотреблять не буду, Константин Юрьевич, – оценивающим взглядом пройдясь по мне, она смахивает что-то с лацканов пиджака, приглаживает их, а потом поправляет воротник.

– Вы будто и моя нянька. По совместительству, – ухмыльнувшись, приобнимаю ее в знак благодарности.

– Да вам бы она тоже не помешала, – тянет с непонятной мне тоской. Списываю ее тон на усталость. – Не нашли никого мне в помощь? Девочки растут, такие непоседы. Я не успеваю за ними.

– В процессе, – отстраняюсь. – Ищу. Я бы определил их в частный детский сад, но сами понимаете...

– Нет-нет, – активно размахивает руками. – Кто там за ними следить будет и питание контролировать? Замучаетесь сыпь выводить и скорую вызывать. Тьху-тьху, не дай бог, – суетливо сплевывает через плечо.

– Обещаю, я активно займусь поиском подходящей кандидатуры, – в сотый раз говорю, но не выполняю.

– Ой, – закатывает глаза. Не верит. – Идите уже. На работу опоздали, – буквально выталкивает меня из дома.

Ухмыльнувшись, спускаюсь с крыльца. Направляюсь к парковке – и уже через пару минут выезжаю за ворота, которые автоматически закрываются позади моей машины.

Собираюсь вырулить на дорогу, но перед капотом внезапно появляется чей-то силуэт. Вырастает из ниоткуда, чуть ли не бросается под колеса. Резко торможу и чудом останавливаю машину в нескольких сантиметрах от тупорылой самоубийцы.

– Придурочная, что творишь? – толкнув дверь, выкрикиваю грубо. – Цела?

– Цела, – бубнит в ответ, поднимает какие-то свертки и выпрямляется, отряхиваясь.

Предстает передо мной во всей, мать ее, красе.

Лучше бы сдохла. Хотя тогда бы меня посадили – и мои лучшие ребята не отмазали бы. Нельзя. Пусть живет, но как можно дальше от нас.

– Даша? – уточняю, до последнего надеясь, что она – плод моей воспаленной фантазии. Страшный сон. Галлюцинация.

– А говоришь, не узнал, – тянет уголки губ вверх. Дрожит. Часто дышит, перебирает свои пакеты пальцами и хлопает ресницами.

Боится. Но делает шаг ко мне.

В глазах слабый фитиль. Разгорается с каждой секундой, пока я молчу.

Даша тоже не спешит продолжать разговор. Выбирает стратегию. Оценивает риски. Думает, с какой стороны подобраться ко мне.

Она всегда была умной стервой. На глупую я бы не взглянул. А на этой – сломался.

Не хватило ей моей «любви» четыре года назад, когда я ее без копейки оставил и передал безработному Славину, как чертову эстафетную палочку. Заюзанную, прогнившую и списанную в утиль. Вручил идиоту и пожелал удачи обоим.

Даша забыла, как я умею ненавидеть? Могу повторить.
Но сейчас главное – увезти ее от дочек. **МОИХ** дочек.
– В машину сядь, – цежу сквозь зубы. – Быстро!

Глава 6

– Кость, я... – рискует пролепетать Даша, когда я трогаюсь с места. Ее тихий, вкрадчивый голос звучит сиреной в моих ушах. Оповещает об опасности.

Резко вылетаю на дорогу, не беспокоясь о том, что пассажирка не пристегнута. Грубо вхожу в поворот. После сдавленного «ой» Дашу впечатывает в дверь. Пакеты падают с ее колен, рассыпаются по салону. Из бумажных свертков вываливаются фрукты и сладости. Не рассматриваю, потому что заранее уверен, что больше половины из того, что принесла Даша, если не все, – детям нельзя. Но ей плевать. Он не узнала о собственных дочках ровным счетом ничего. Потому что не хотела вникать.

Какая-то игрушка случайно ложится на коробку передач – и я смахиваю ее рваным движением, как ядовитую змею.

– Куда? – рявкаю, стараясь не смотреть на Дашу.

Противно находиться с ней в одном салоне. Чувствовать приторный запах ее духов. Слушать мерзкий голосок.

– Что куда? – строит из себя дуру.

Ослабляю ворот рубашки, бью по кнопке, чтобы опустить стекло полностью. Поток свежего воздуха немного проясняет мысли, но ни черта не успокаивает.

– Куда тебя везти? – выплевываю, понимая, что готов сорваться. – Назови адрес, если не хочешь, чтобы я свалил тебя в какую-нибудь канаву в ближайшей роще.

– Кость, ты на эмоциях сейчас, – несмотря на страх и панику, Даша говорит со мной нежно, тихо, обволакивающе, как с психом. Тянет руку, касается пальцами моего предплечья, но тут же одергивает ладонь.

– Адрес, мать твою! – прикрикиваю на нее.

Растерявшись, Даша послушно называет улицу и дом. Какие-то новые координаты. Не Славина. Выкручиваю руль, совершая чуть ли не полицейский разворот. Бывшую опять швыряет по салону, и она, наконец-то, пристегивается. На разбросанные подарки уже и внимания не обращает. Действительно, зачем они ей? Все равно отправятся на свалку.

– Не приближайся к моим детям, – чеканю со сталью в ледяном тоне.

Не отвожу глаз от оживленной трассы. Пристраиваюсь в плотную колонну машин – и веду аккуратнее. Еще не хватало из-за какой-то стервы в аварию попасть.

– Да что с тобой, Кость? – сокрушается она так, будто это я конченный подонок и незаслуженно ее обижаю. – Как зверь, себя ведешь. Да, я ошиблась. Но все имеют право на второй шанс. На апелляцию, – слабо, но начинает манипулировать мной.

– Чего ты добиваешься? – все-таки решаюсь взглянуть в ее наглое лицо. Бледное, без макияжа, с пятнами под глазами. Сейчас на нем застыла маска раскаяния и боли. Но все это показное, как и красивые слова стервы.

– Ничего. Я всего лишь хочу увидеть моих дочек. У них ведь день рождения, – вымученно улыбается.

Признаться, Даша изменилась за эти годы. Похудела, обрезала волосы под каре, одевается проще и удобнее. Впрочем, это объясняется элементарной нехваткой денег. Откуда у Славина столько бабла, чтобы содержать ее? Даша с моей карты тянула, даже когда мы с дочками в клинике за границей были и огромные суммы уходило на реабилитацию. Когда я в долги влезал. А ей все равно было. Тратила, как раньше. Будто ничего не произошло.

Отворачиваюсь, прежде чем взорвусь.

– Неужели вспомнила дату? – хмыкаю зло. – Своих детей ты Славину рожай, а двойняшки не имеют к тебе никакого отношения. Ты сама от них отказалась. Или забыла?

– Не забыла, – тянет с придыханием. – Все эти годы мучилась. Больно так было, что внутри теперь все выжжено. Не могу я без них. Я их выносила, родила. Я мать!

Хреновая заявочка. Ничего хорошего не сулит.

– Ты не мать, не заслужила, – произношу чуть ли не по слогам. – Ты инкубатор, причем не очень качественный.

– Кость, ты мне больно сейчас делаешь, – делает вид, что смахивает слезы. Но я слишком очерствел, чтобы повестись на ее уловки. – Но ладно. Говори, если тебе от этого легче. Я ведь больше так и не смогла забеременеть. А со Славным мы разводимся.

– Неужели Петька бросил тебя раньше, чем ты успела найти ему замену? – усмехаюсь с сарказмом. – Молодец, быстрее меня сориентировался и распознал твою гнилую сущность.

Торможу на светофоре, вальяжно откидываюсь на спинку кресла, барабаню пальцами по рулю. Усмехнувшись, устало покачиваю головой. Хитрая баба, но предсказуемая. С каждой новой фразой ее мотивы становятся понятнее, как и внезапно вспыхнувшие чувства к детям.

Меркантильная тварь.

– Прекрати, Кость, мне и так пло-охо. Мы с ним расстанемся из-за детей. Я родить ему не могу, а он отцом стать очень хочет. Во-от и... – подвывает, как плакальщица на похоронах. Хотя ритуал надо было провести еще четыре года назад: закопать нашу неудавшуюся любовь и поставить огромный деревянный крест на могиле. Мне казалось, я сделал это, но нет... Воскресла, как зомби. Сидит рядом, разлагается, подванивает. Отравляет воздух, под кожу забраться пытается, кровь заразить. Но прошло то время, когда меня так легко можно было обмануть.

– Бумеранг, дорогая, – хмыкаю, вдавливая педаль газа, когда загорается зеленый свет. – И далеко не последний. После того, что ты сделала, заслуженный.

– Ты мне позволишь дочек увидеть? – сипло спрашивает и подается ближе ко мне. – Хоть на расстоянии?

– Нет, Даша, – неосознанно повышаю скорость до критической отметки. – У тебя нет детей, заруби себе это на носу. Приблизись к ним – я тебя уничтожу.

– Не пытайся меня запугать, уже ничего не страшно... Ты ведь и так это сделал. Четыре года назад. Ничего мне не оставил. И Славина по миру пустил. Знаешь, как нам тяжело было?

Она шумно вбирает носом воздух и впивается пальцами в лямку сумочки. Брендовой, но не последней модели. Если не ошибаюсь, на мои деньги успела купить, когда мы еще были женаты. Я никогда не ограничивал ее в финансах и не следил, на что она тратит. До того момента как родились лапочки – и нам срочно потребовалась большая сумма.

– Вам? Тяжело? – ору на весь автосалон, и стерва вздрагивает. – Даша, ты не охренела в своем эгоизме? Думаешь, мне зашибись было с двумя младенцами? И по уши в долгах после трат на реабилитацию?

На секунду отвлекаюсь от дороги, чтобы пристрелить нежеланную пассажирку злым, пристальным взглядом. Она серьезно считает себя мученицей?

– Понимаю. И мне так стыдно за то, что я сделала, – плачет, но ее слезы давно для меня ничего не значат. Просто вода. Лишь бы обивку сиденья не замочила, а остальное пофигу. – Я просто испугалась тогда. Роды, больница, этот диагноз. Сломалась. И сбежала от проблем. А Славин... – закрывает лицо руками. – Боже, да он всего лишь оказался рядом в неподходящий момент. Ты за границей, а он... заботился, утешал. Господи, я так жалею об этом. Я все сделаю, чтобы ты меня простил, – внезапно меняет позу и хватает меня за запястье, мешая управлять автомобилем. – Я ведь не прошу меня принять. Не надеюсь на то, что мы сможем быть вместе. Только одно... Дай детей увидеть. Что я должна сделать, чтобы искупить свою вину, а?

Замедляюсь, чтобы не разбиться с этой идиоткой. Ей-то терять нечего, а от меня две маленькие рыжие жизни зависят. Освобождаю руку из цепкой хватки «покойницы». Умерла так умерла. Пусть не пытается повернуть время вспять. Не выйдет. Не со мной.

– Ты должна исчезнуть, Даш. Просто исчезнуть, – чеканю строго. – Твоя остановка, – сообщая, когда мы приезжаем по нужному адресу. – Вали!

– Кость... – ее голос срывается.

– Ты начинаешь меня утомлять, Даш, – поворачиваюсь к ней и укладываю руку на подголовник. Нависаю, вынуждая ее настороженно вжаться в спинку кресла. – Еще одно слово, и я предложу Слаvinу свою помощь. Разведу вас в своих лучших традициях. Хочешь? – сохраняю зрительный контакт. Пусть почувствует, что я настроен серьезно. И очень зол.

– Мне все равно, – хлопает ресницами и смотрит с опаской. – Терять больше нечего.

Тем не менее, нащупывает ручку и толкает дверь. Уходит. Чтобы вернуться.

Я слишком хорошо знаю бывшую жену, поэтому осознаю: так легко она не сдастся. Зайдет с другой стороны. А пока что выигрывает время, чтобы перегруппироваться и придумать новую тактику.

– Передай малышам подарки, – шепчет прежде, чем захлопнуть за собой дверь.

Автомобиль с ревом трогается с места. Мчусь на полной скорости, но сбавляю через пару кварталов. Заехав в жилой сектор, останавливаюсь напротив мусорной площадки.

Выгребая из салона всю дрянь, что оставила Даша. Несу туда, где ей самое место. На свалку.

В сердцах бью бак ногой – и он пошатывается.

– Черт, – запускаю пятерню в волосы. Яростно треплю себя по затылку.

В висках стреляет, в груди все кипит, но мне надо сосредоточиться. Все предусмотреть – и обезопасить моих девочек. Для начала не помешало бы предупредить охранника и няню, чтобы на пушечный выстрел к ним падальщицу не подпускали.

В спутанных чувствах и полностью погруженный в свои мысли, я через полчаса все-таки добираюсь до офиса. Влетаю в приемную, игнорируя посетителя. Лишь краем глаза замечаю рыжую макушку, ощущаю слабый всплеск дежавю, но тут же отмахиваюсь.

– Катя, отмени все встречи в первой половине дня, – нервно приказываю секретарю. – И никаких посетителей. Я занят!

Боковым зрением ловлю какое-то шевеление сбоку. Рыжая поднимается со стула, прижимает папку к груди. Собирается подойти ко мне, но я быстро шагаю в кабинет. Не до клиентов сейчас.

– Вы ведь Константин Юрьевич Воскресенский? Я вас с утра ждала, и никуда не уйду, пока вы меня не примете, – так смело летит мне в спину, что я чуть ли не спотыкаюсь на пороге и застываю, будто парализованный.

Медленно оборачиваюсь и, опешив, некоторое время молча изучаю чересчур нахальную гостью с командным голосом. В своей компании обычно только я ставлю ультиматумы. Приказы отдаю – тоже. Так что мне безумно интересно, кто решил посягнуть на мои лавры.

Я в том состоянии, когда готов сорвать накопившуюся злость на первой встречной. Темная энергия бурлит во мне, отравляя душу негативом, но...

Фокусируюсь на тонких, аккуратных чертах лица, прищуренных зелено-голубых глазах, в глубине которых вспыхивает пламя, так и норовит испепелить меня. Хмыкнув, веду взглядом по веснушкам, что усыпали бархатистые щеки и вздернутый нос. Поднимаюсь к непослушным кудрям, упрямо выбивающимся из прически.

Невольно вспоминаю свое утро с дочками – и слегка успокаиваюсь.

Станный эффект на меня производит незнакомка, но я ей даже благодарен за это. Отвлекла на секунду, пробудила приятные ассоциации – и вот я уже чувствую себя несколько иначе, будто после ледяного душа. Бодрый, свежий и готов бороться с прошлым в лице Даши. Осталось решить, что делать с этой нахалкой в моей приемной.

– Только не говорите, что не заметили меня, – фыркает она и морщится.

Курносая, как мои малявки, и такая же рыжая. Из-за кукольной внешности сложно воспринимать ее грозные выпады всерьез. Рассматриваю гостью еще пару секунд, потому что точно видел ее где-то раньше. Так и не вспомнив, где именно, я поворачиваюсь к секретарше.

– Катя, почему до сих пор клиентку не приняла? – отчитываю строго. Бездельница. Давно хочу уволить эту бестолковую бабу, но у меня и так текучка кадров на должность секретаря. Никто не может со мной сработаться, а Катерина терпит. Ради высокой зарплаты. Меркантильная, как весь женский род.

– Константин Юрьевич, но... – глаза подчиненной становятся как два блюдца. Она нервно мечется между мной и рыжей гостьей. И неясно, кого боится больше.

– Назначь прием на ближайшую свободную дату, – перебив ее, поднимаю указательный палец, приказывая заткнуться и выполнять поручение.

– Нет, – встречает в наш разговор рыжая. – Мне уже предлагали. Но у вас запись на месяц вперед.

– Значит, встретимся через месяц, – холодно чеканю и все-таки захожу в кабинет. – Всего доброго, – небрежно прощаюсь.

Но она врывается следом. Захлопывает за собой дверь, раздраженно цокает каблуками за моей спиной. Шаги затихают в метре от меня. Как раз в тот момент, когда я останавливаюсь у шкафа, чтобы снять верхнюю одежду.

– Выслушайте, пожалуйста, – нахалка подозрительно меняет тон, намеренно смягчает голос и делает его нежнее. Хотя по поскрипывающим ноткам я догадываюсь, как ей сложно это дается. Она переступает через себя, чтобы попросить о помощи. – У меня нет столько времени.

Приближается ко мне со спины практически вплотную. Касается плеча, заставив меня напрячься. Покосившись на ее маленькую руку, нервно откашливаюсь.

– Так, – двумя пальцами убираю ладонь, теплую, бархатную. Сбрасываю с себя, как нечто чужеродное, и оттряхиваю пальто, будто оно испачкано. – Если у вас что-то срочное, скажите об этом секретарю. Вам подберут юриста из штата. И он примет вас в ближайшие дни.

Другую бы выгнал за хамское поведение, а с этой почему-то договариваюсь.

Резко разворачиваюсь и оказываюсь с ней лицом к лицу. Пытаюсь отогнать от себя ее сладковатый аромат, но он окутывает ванилью и апельсиновым бисквитом. Впервые встречаю девушку, которая пахнет не приторными духами, от которых чихать тянет, а пирожными. Непривычно, но вкусно. Малышкам бы точно понравилось.

Черт, да где же я ее видел?

– Нет, – повторяет, словно не знает других слов. Похоже, у нее в крови – дерзость и сопротивление. – Мне посоветовали именно вас. Мне не нужен никто другой.

Выдавливает из себя улыбку. Правда, если она собиралась таким образом очаровать или смягчить меня, то лучше бы порепетировала дома перед зеркалом. Актриса из рыжей отвратительная. Вроде бы улыбается, а на лице бегущей строкой мелькает: «Чтоб ты сдох». Кажется, она даже зубами поскрипывает от возмущения. Вертикальные ямочки застывают на щеках, как метки, оставленные острым скальпелем. Уверен, в обычном состоянии они украшают девушку. У дочек такие же – и выглядят мило, когда они улыбаются искренне. А не натянуто, как эта фурия.

– Я, значит, нужен? – снисходительно смотрю на нее, сбрасывая пальто. – А вы настырная. Откуда столько наглости?

Шагаю к рабочему столу, устраиваюсь в кожаном кресле и делаю вид, что погружен в бумаги.

– Вы ошибаетесь. Это безысходность, – она упрямо садится напротив.

Опускает свою папку четко поверх моих документов, прибивая их к поверхности стола. Но я даже не открываю и не читаю то, что она принесла. Потому что при любом раскладе не буду вести ее дело. Разумеется, клиента я терять не собираюсь. Но лично защищать интересы

наглой красоти не хочу. Перепоручу ее кому-нибудь. Надо только выяснить, в чем суть обращения, чтобы выбрать, кто им займется.

– И что же у вас стряслось? – играю заинтересованность.

Улыбка становится теплее и естественнее. Ямочки играют на щеках. Выдохнув с облегчением, гостя с надеждой смотрит на меня:

– Месяц назад нас развели с мужем. И я хочу оспорить решение суда.

Ее фраза звучит строго и четко, как приговор самой Фемиды. Голос не дрожит. Воинственный взгляд устремляется четко мне в лоб, словно прицел снайпера, – и я машинально отталкиваюсь от стола, чтобы увеличить расстояние между нами.

Демонстративно развалившись в кресле, постукиваю пальцами по подлокотнику. Исподлобья смотрю на рыжую и резко останавливаю себя, сжав руку в кулак. Не хочу показывать ей свою нервозность. Вместо этого выдавливаю слабую усмешку:

– Дайте-ка я угадаю. Не согласны с разделом имущества?

– Это был не раздел, а откровенное жульничество, – маленькая ладонь довольно жестко опускается на папку. Бьет по ней так, что документы подлетают, а канцелярские принадлежности жалобно позвякивают.

– Даже та-ак, – тяну скептически, отодвигая от огненной фурии коробку с ручками, карандашами и ножиком для бумаг. Чтобы не провоцировать лишний раз. Она и так на взводе. – Серьезное обвинение. Кто вел дело?

– Не знаю, – мгновенно теряет весь запал.

– Странно, – хмыкаю недоверчиво. – И что не поделили? Дом, машину, золото и бриллианты? – почти открыто язвлю.

Параллельно изучаю потенциальную клиентку, считываю каждую ее реакцию и пытаюсь предугадать следующую реплику. Она не похожа на типичную охотницу за богатством. Или умело маскируется. Пока не могу разгадать ее. Ясно лишь одно: передо мной точно не пустышка. Есть в ней глубина, ум и благородный лоск.

– Бизнес, – ее короткий ответ на миг вгоняет в шок.

Неожиданно. И интересно.

– Вы ожидали, что муж оставит вам лакомый кусочек или даст отступные, на которые вы сможете спокойно прожить некоторое время, так? – намеренно вывожу ее на эмоции, но на всякий случай отъезжаю в кресле назад. – А он, гад такой, просто забрал свой бизнес, – цокаю, изображая жалость, которой на самом деле не испытываю.

– Мимо, – летит в меня, как дротик в мишень. На секунду возникает желание увернуться. – Зачем мне кусок или чья-то подачка, если бизнес полностью мой? – вцепившись пальцами в край стола, она подается ближе. – Знаете, я начинаю сомневаться в вашей компетентности. Вы даже слушать меня не хотите, – проходится по мне оценивающим взглядом. – Да, я сама открывала дело, развивала его, а потом у меня все забрали. Незаконно!

– Допустим, – прерываю ее. – Дети общие есть? – задаю главный вопрос.

Если бы в деле фигурировал ребенок, я бы, скорее всего, лично разобрался в ситуации. Ведь маленькая жизнь – это очень важно. А так...

– Нет, – рыжая опускает внезапно потухший взгляд, а я тут же принимаю окончательное решение.

Зажимаю кнопку конференц-телефона, связываюсь с нужным мне отделом:

– Никольский, зайди ко мне, – приказываю громко и четко. – Прими клиентку. Твой профиль.

– Нет. Мне нужны только вы! – испуганно произносит настырная гостя и выбрасывает руку к телефону. Обрывает звонок. – Я ведь... Я заплачу. Сколько скажете.

– Откуда деньги? У вас же муж все отсудил, – прищуриваюсь с подозрением.

В каре-зеленых глазах мелькает тень отчаяния. Отчасти я понимаю ее опасения. Действовать надо быстро, и я объективно справился бы лучше любого из моей команды.

Но нет. Не хочу с ней связываться.

– Я бабушкину квартиру выставила на продажу. Должно хватить, – звучит все тише и тише. И почти шепотом: – На вас.

– Вы меня целиком купить собрались или по частям? – удивленно выгибаю бровь.

– Только ваши услуги. Мне сказали, что вы профессионал в бракоразводных делах. Лучший в городе, – сквозь натянутую улыбку пробивается горечь вперемешку с надеждой. – И что вы единственный, кто сможет мне помочь.

Внутри что-то дергает, но я до конца не понимаю своей реакции. Как и того факта, что до сих пор не выпроводил рыжую из кабинета, а сижу и терплю ее нападки.

– Вас дезинформировали. Я крайне редко веду клиентов лично. Обычно всем занимается моя команда. Если я и берусь за какое-то сложное дело, то защищаю интересы мужчины. Исключительно, – меня вдруг пробивает на откровенность. Что за чертова баба! Пора избавиться от нее. – Можете считать это заскоком или принципами, но говорю как есть. Вы уверены, что я по-прежнему вам нужен?

– Константин Юрьевич, вызывали? – в проеме двери показывается лысая голова Никольского.

– Да, Илья, – поднимаю со стола папку. – Внимательно изучи материалы дела, разберись и подготовь грамотную апелляцию в суд. Займись вне очереди, потому что, если я правильно понимаю, там время поджидает. И еще... – зыркнув на опешившую клиентку, смягчаюсь. Совсем расклеился! – С оплатой не жести, оцени свои услуги по минимуму. Если возникнут непредвиденные расходы, я тебе их премией компенсирую. А то из-за нас дама без жилья останется. Кстати, как вас зовут? – уточняю с легкой ухмылкой.

Моя рука повисает в воздухе, пока медлительный Никольский идет к столу. Он плетется, как черепаха, которую хочется пнуть ботинком.

– Нет. Тогда не надо... – рыжая неожиданно выхватывает у меня папку. – У меня есть только одна попытка, и я лучше поищу другого юриста, в котором буду уверена на все сто процентов. Извините за беспокойство.

Поднимается, оттолкнув стул, взмахивает рыжими кудрями, которые развеваются, как огненные змеи. И раздраженно летит к выходу. Морщусь от громкого стука ее каблучков. Кажется, паркет под ними вот-вот расколется на части. Земля разверзнется – и меня вместе с несчастным, растерянным Никольским затащит в ад.

Фурия ни одного грубого слова не сказала, но ощущение, будто прокляла нас. Наглая, отчаянная и... кажется, ей правда нечего терять.

– Стойте, вы... – запинаясь. – Вы не представились. Как к вам обращаться? – машинально подсказываю на ноги.

Если мне еще придется бежать следом за этой бабой, тогда я точно сошел с ума. Благо, она сама останавливается и оборачивается на пороге. Ее обозленный и в то же время разочарованный взгляд не обещает ничего хорошего.

– У вас ведь две дочери? – кидает как бы невзначай, и я на автомате киваю.

Наконец-то вспоминаю, где ее видел. Это она была возле кафе. И о ней мои девочки прожужжали мне все уши, требуя привести им "маму".

Забавное стечение обстоятельств.

– Когда-нибудь они вырастут, выйдут замуж... – продолжает размышлять вслух. – И, представьте, что одну из них обманет муж, лишит всего... Вы тоже останетесь верны своим сомнительным принципам? И будете играть на стороне ее супруга? Ис-клю-чи-тель-но! – дублирует мой тон. – М-м-м? Или перепоручите дело дочке какому-нибудь... Никольскому?

В цель. По больному ударила. Залезла в душу и хозяйничает там, вскрывая нарывы.

Лишаюсь дара речи, потому что все, что касается моих детей, влияет на меня безотказно. Это красная линия, которую нельзя пересекать. Никому. И тем более, какой-то бабе, которую я вижу второй раз в жизни.

Позволяю ей уйти. На хрен!

Падаю обратно в кресло и боковым зрением цепляюсь за Никольского. Ждет моих дальнейших указаний.

– Чего замер? – выплескиваю гнев на ни в чем не повинного сотрудника. – Работать, бездарь! Да так, чтобы от тебя клиенты не сваливали, – указываю рукой на закрытую дверь. – Пошел вон!

Илья испаряется, а я устало массирую пальцами переносицу. К черту всех! И Дашу, и рыжую, и Никольского. Что за день?!

Глава 7

Вера

Апельсиновый ганаш равномерной массой ложится на половинку оранжевого макарона. Затаив дыхание, веду насадкой из середины круга вверх – и перехожу на следующую порцию. Машинально повторяю однотипные действия, не задумываясь о технике. Все доведено до автоматизма. Руки творят, а мысли витают далеко. Взгляд то и дело мечется на часы.

Слежу за временем, чтобы все успеть, и параллельно прокручиваю в голове мой сегодняшний график. Невероятно плотный.

– Да, Матвей, – отложив опустошенный кондитерский мешок, зажимаю телефон между плечом и ухом.

Ни на секунду не прекращаю работу. Пока разговариваю, быстро, но аккуратно соединяю хрупкие половинки. Складываю макароны в коробку. Украшаю лимонной цедрой, орехами и листиками мяты. Накрываю крышкой со специальным прозрачным окошком. Посередине креплю фирменный логотип «Сладкая жизнь».

Бывший муж отсудил у меня кафе и все имущество, но не может забрать бренд.

Смешно. От лучшей кондитерской в городе осталось только название. И я...

Впрочем, я не одна.

– Вера Александровна, мы на месте, – отчитывается Матвей. – Заготовки все привезли. Кажется, не забыли ничего. Напоминаю, что с вас основа для капкейков и творожный крем, – делает паузу, будто задумался или осматривается.

– Да, разумеется, – тянусь к коробке, где уложены формочки, и заглядываю в пакет с банками. Перепроверяю все в сотый раз. – Стоп-лист: яйца, мед, орехи, цитрусы. Минус красители, – чеканю, скорее, сама для себя.

– Конечно, все учли. Вера Александровна, вы же лично вчера нас контролировали, – усмехается. Он прав: коржи для торта мы выпекали вместе. И я следила за ребятами так, будто они новички.

– Никаких проблем не возникло? – бросаю с беспокойством.

– Нет. На кухню нас охрана пустила. Оформители в гостинной работают. Хозяин с именинниками будет к вечеру. Специально увез их, чтобы мы подготовили сюрприз. Пока что все идет по плану. Ждем только вас.

– Спасибо, Мэт, но давай на «ты» и по имени. Я больше не твой шеф. Мы теперь всего лишь доставка сладостей. И не дай бог, кто-то узнает, в каких условиях мы готовим, – окидываю взглядом свою тесную кухню. – Какой же бардак, – выдыхаю чуть слышно, но Матвей улавливает.

– Это временно, Вера Александровна, – упрямо «выкает» мне. – Надо же с чего-то начинать, – успокаивает, заставляя почувствовать себя слабой.

На миг становится противно. Неужели это я? Растеклась, как просроченное мороженое без холодильника. И почти сдалась.

Команда и так думает за меня, невольно вытаскивая из депрессии. Это была идея Матвея – организовать доставку домашних сладостей. К моему удивлению, после нескольких объявлений в интернете ко мне выстроилась онлайн-очередь. Дошло до того, что теперь я вынуждена отказывать некоторым клиентам. Потому что мощностей моей скромной кухни, да и меня лично, не хватает на всех желающих.

А Матвею и ребятам я строго запретила увольняться из кафе. До тех пор, пока я не смогу предложить им достойную альтернативу. Так что на данный момент им приходится работать на два фронта, помогая мне с заказами и при этом стараясь не рассекретить себя перед Женей. Матвей уверяет, что это не так сложно. Кафе закрывается на ремонт, распродают остатки, а

повара там выполняют, скорее, роль подсобных рабочих и ждут чуда. Почему-то последнее упорно связывают самой.

Но чудес не бывает.

Впрочем, на днях нам подвернулась удача. Известная мастерская праздников «Радость» предложила «Сладкой жизни» сотрудничество. Они организуют мероприятия под ключ: от оформления, аниматоров до меню. Но буквально за несколько дней до назначенной даты с их кондитером что-то случилось – я не вдавалась в подробности. И начальство вышло на меня. Бренд сыграл свою роль, так что мы быстро подписали договор.

И сейчас я дико волнуюсь.

Сегодня, по сути, первое серьезное задание после развала бизнеса. Детский день рождения. Праздник пройдет на дому, но заказчик богатый и статусный. Кто именно – не сообщили. Элементарно забыли. Нас нанимали экстренно и впопыхах. Благо, меня дернуло уточнить по поводу особых пожеланий именинниц и выудить информацию об их аллергии. Иначе наше первое мероприятие стало бы последним. Такие грубые ошибки обычно не прощают.

– Так! – рывкаю, взяв себя в руки. – Я уже выезжаю. По пути пирожные другому клиенту доставлю, там срочный заказ, – и сразу к вам. Полчасика дай мне.

Складываю в бумажный пакет коробку с макаронами. Делаю едва видимую пометку, чтобы ничего не перепутать. Это интернет-заказ. Поступил впритык, но клиентка слезно умоляла не отказывать ей и «приготовить хоть что-то», ведь остальные кондитеры уже заняты. Правда, полностью положила на мой вкус, заверив, что ее дети едят все. Что ж... это странно и очень ответственно. Надеюсь, мне удалось угодить.

Отдельно, в пакеты побольше, раскладываю необходимые для сегодняшнего праздника заготовки. Именинник ждет двухъярусный торт в форме сердца и "нулевой" этаж из капкейков. Конструкцию мы соберем и украсим непосредственно на месте.

Невольно вспоминаю дочек Воскресенского – двух рыжеволосых солнышек. И тут же отмахиваюсь. Какова вероятность того, что сегодня день рождения именно у них? Минимальная, ведь город огромный. Да и это было бы насмешкой судьбы. Обслуживать хама и женоненавистника, который общался со мной с таким пренебрежением, словно я мошка? Надеюсь, я не настолько невезучая.

– Без проблем. Время терпит, а мы пока все подготовим, – рапортует Матвей и попутно дает указания помощникам. – Как дела с юристом? – уточняет чуть тише.

– Никак, – провожу тыльной стороной ладони по взмокнутому лбу. – Вчера у него была... Отказал, – заканчиваю сипло.

– Говнюк, – выплевывает шеф-повар, озвучивая мои мысли.

Согласна, но...

– Меня предупреждали по поводу него. Просто... он лучший. Ладно, неважно. Я уже активно ишу другого. На завтра к двум записалась, но... – обессиленно опускаюсь на табуретку. – Сомневаюсь, Мэт, что у меня получится. Поздно. Я не успею.

– Если прямо не пролезем, то пройдем бочком, Вера Александровна, – подшучивает он, вызывая у меня искренний смех. Умеет разрядить атмосферу.

– Так себе девиз для кондитера, – немного расслабившись, поддерживаю юмор.

– Спонсор вашего лишнего веса, – хохочем уже вместе. – Вера Александровна, очень ждем, – добавляет внезапно серьезным тоном. – Все получится, – убеждает меня.

На секунду разрешаю себе поверить в лучшее. Так легче. И руки не опускаются.

С новыми силами, будто в моей груди заменили батарейки, я везу красивую коробку с макаронами. Вручаю ее надменной шатенке, которая небрежно бросает хрупкие пирожные на тумбу. А ведь утверждала, что заказ очень важный...

– Осторожнее, – морщусь. – Апельсиновые макаруны на миндальной муке... – пытаюсь презентовать ей «кота в мешке», но она и слушать не хочет.

– Да, прекрасно. То, что нужно, – натянуто улыбается. – Спасибо, – захлопывает дверь перед моим носом.

Пожав плечами, растерянно возвращаюсь к машине. Отвыкла я от мелких заказов и близкого общения со странными клиентами. С другой стороны, деньги я получила, пирожные доставила – здесь моя миссия выполнена.

Отмахнувшись, я мчусь по следующему адресу, который Матвей мне сбросил эсэмэской.

В шикарном дворе, устланном декоративной плиткой, моя старенькая машинка с облупившимся логотипом смотрится убого и чужеродно. Что поделать, если остальное досталось мужу. Да и плевать!

Я достаю пакеты из багажника, представляюсь охране и, дождавшись, пока они все проверят, шагаю к особняку с гордо поднятой головой. Никто и ничто не сломает меня. Справлюсь.

Глава 8

Несколько часов спустя

Вывожу белую творожную розочку на капкейке, двигаясь по спирали от середины к краям. Дополняю получившийся бутончик тоненькими яблочными слайсами. Слегка и очень бережно кручу нижний этаж конструкции, пока два верхних, где полностью собраны и украшены кремом коржи, остаются неподвижными. Тихонько вздохнув, наклоняюсь к следующей порции кексиков. Остались последние штрихи – и торт отправится к именинницам.

– Так, стоп! Раз, два... – считаю одними губами и по памяти воспроизвожу в голове картинку. – Я точно выложила на подставку все основы до единой. Откуда эти дыры, – хмыкаю задумчиво, замечая зазоры в стройных рядах.

Отложив насадку с творожным кремом, растерянно осматриваюсь. Из гостиной доносятся голоса аниматоров, детский смех, веселая музыка... Развлекательная программа подходит к концу – и совсем скоро главный сюрприз вечера будет торжественно вывезен в зал. Матвей готовит «плацдарм» для его фееричного появления, пока я довожу наш совместный сладкий шедевр до совершенства. Мы с ребятами вложили в него душу. Уделили внимание мельчайшим деталям. Но что-то не так...

– Нет, их точно было больше. Я четко рассчитала все, – бурчу на конструкцию, будто это она виновата и проглотила пару моих кексов, нарушив заранее продуманную структуру.

Морщусь от визгов и топота, звуки которых вторгаются в кухню. Мне кажется или они стали громче? С подозрением кошусь на дверь. Приоткрыта.

Детская песенка внезапно останавливается. Наверное, чтобы аниматоры могли провести очередной конкурс для малышей. И в образовавшейся паузе я различаю тихое перешептывание. Совсем рядом. Словно здесь, на кухне, кто-то есть.

Сканирую взглядом помещение – и не нахожу ни души. Да и кто может забрести сюда? Мои ребята и сотрудники мастерской «Радость» – в общем зале. Там же – хозяйева и гости. Я же носа не высовываю, потому что занята и... честно говоря, не хочу светиться лишний раз.

Может, у меня галлюцинации от нервов и перенапряжения? В конце концов, я ночь не спала. Впрочем, не только эту, а и все предыдущие. Тревога и бессонница – мои верные спутники после тяжелого развода.

Собираюсь вернуться к торту, как отчетливо слышу стук, будто кто-то ударился об ножку стола.

– Ой! – разносится тоненький вскрик, от которого я вздрагиваю.

– Тш-ш-ш! – вторит ему сдавленное шипение.

Обхожу огромную конструкцию, что заслоняет обзор. Крадусь вдоль кухни.

– Кто здесь? – настороженно уточняю.

Присаживаюсь возле стола и, приподняв скатерть, заглядываю под него.

– О-ой, – произношу теперь я сама. И чувствую, как улыбка расплывается по моему лицу.

Ошеломленно смотрю на двух кучерявых малышей в одинаковых платьях нежно-сиреневого цвета. Мгновенно узнаю в них тех самых озорных девчушек из кафе. В нагрузку к которым прилагается папка-грубиян... Благо, сейчас его нет на кухне. Но он и есть заказчик. Печально.

Все-таки удача окончательно покинула меня сегодня. Вместо того, чтобы огорчиться, я улыбаюсь еще шире. Подмигиваю не менее удивленным красавицам.

– Значит, это вы именинницы? – наклоняюсь к ним и щелкаю обеих по носикам.

Веду пальцами по веснушчатым щечкам, стираю подушечками следы крема. Натурального. Без красителей. Творожного.

– Вот и нашлись мышки, которые утащили праздничные кексы в норку, – заливисто смеюсь, когда девочки беспощадно стискивают остатки десерта в руках, пытаюсь спрятать. Жестом

останавливаю их, указывая на пышные юбки, которые они могут испачкать. – Аккуратнее, ладно?

Медленно кивают, покорно разжимают ладошки, показывая мне кусочки капкейков. Одновременно наклоняют головы набок, покачивая большими бантами, при помощи которых присобраны непослушные волосы. Взмахивают ресницами и прищуривают глазки.

Сдаются с повинной, а я не могу сдержать добрый смех. Какие же они милые! Не то, что их мрачный, всем недовольный отец.

Некоторое время малышки изучают меня, словно глазам своим не верят. А потом вдруг вспыхивают, как две яркие звездочки.

– О, мама! – хлопают в ладошки, перепачканные кремом.

Пока я растерянно округляю рот, не в силах ничего ответить, они летят прямо на меня. Я чудом успеваю подстраховать их, накрыв руками рыженькие головки, чтобы не стукнулись об край стола.

И замираю, когда девочки повисают на мне и обнимают за шею. Зарываются липкими пальцами под поварскую шапочку, пачкают скрытые под ней волосы, размазывают по шее мягкое тесто. Но мне все равно. Пусть хоть целиком меня кремом измажут – и вынесут в гостиную вместо торта. Кажется, сейчас я готова на все.

– Поздравляй нас, – важно диктует свою волю одна из именинниц. В мелодичном голоске четко прослеживаются повелительные нотки Воскресенского. Папкина дочка растет. Но если от него хочется бежать куда глаза глядят, то эту прелесть я продолжаю сжимать в объятиях. И наслаждаюсь горячей карамелью, что обволакивает сердце.

– Нам вот столько, – вторая отстраняется от меня, показывая четыре пальчика.

Заставляю себя отпустить детей, обхватываю ладонями свои пылающие и почему-то влажные щеки. Шумно выдохнув, поднимаюсь на ноги.

– Какие вы взрослые, – шепчу с нежностью. Смахиваю соленые капли. Откуда они? Зачем? – С Днем рождения, солнышки, – подаю им руки, в которые они охотно вкладывают свои крохотные ладошки.

Я никогда не знала, что такое материнский инстинкт. И вряд ли доведется испытать его... Однако раскаленная лавина, что прямо сейчас низвергается в моей груди, кажется, гораздо острее и реальнее. В солнечном сплетении жарко и... больно. Словно из меня вырвали кусок, заполнив дыру кипящей магмой. Она разъедает меня изнутри, пока я просто стою и держу за ручки чужих детей.

Очнувшись, убираю от них ладони, делаю шаг назад. Девочки не теряются: пользуясь моментом и моим ступором, огибают меня и мчатся к тарту. Теперь, когда я их все равно рассекретила, они могут без стеснения исследовать вкусный сюрприз.

Неосознанно люблюсь ими.

Какие же крошки по сравнению с громоздкой, объемной конструкцией. Будто муравьишки, суесящиеся у подножия высокой горки, под которой укрылся их дом.

Носятся вокруг подставки, подпрыгивают, пытаются рассмотреть верхушку, оформленную в виде лесной поляны со сказочными зверушками. В середине – сахарные фигурки двух рыжеволосых фей с крылышками. В честь именинниц.

– Это ты для нас сделала толт? – восхищенно тянет кудряшка, которая чуть ниже ростом. Если не акцентировать внимание, то разница не столь заметна – всего несколько сантиметров. Но я почему-то улавливаю такие мелочи.

– Да, Машенька, для вас, – соглашаюсь на автомате. И только потом думаю о том, что могла перепутать двойняшек. Я ведь видела их всего один раз, возле кафе. Но малышка не спорит и не исправляет меня. Значит, я не обозналась.

– Кла-ассный кар-равай, – четче проговаривает Ксюша. Тянет ручку к капкейкам, касается пальчиком творожной шапки – и, прикрыв глаза от удовольствия, слизывает крем. – Вкусно, – причмокивает.

Не мешаю ей. Не останавливаю.

Розочку мне придется подправить, пустые места между кексами – скрыть. Но я не чувствую ни раздражения, ни усталости. Наоборот, готова немедленно приняться за дело, чтобы у маленьких нетерпеливых хулиганок был лучший торт. И идеальный День рождения.

– Подар-рок, – восклицают хором. – От мамы, – не унимаются.

Я обязана возразить. Не тешить их ложными надеждами, но... сегодня у девочек праздник. И я не хочу их огорчать. Поэтому молчу. Не подтверждаю, но и не опровергаю их слова.

– О, господи боже мой, вот вы где! – скрипучий, повизгивающий голос разрушает нашу хрупкую идиллию. – Нужно вернуться в зал, иначе ваш папа мне шею свернет.

Мы втроем, как по команде, стреляем взглядами в сторону двери. И появившаяся на пороге брюнетка застывает, некоторое время сканируя нас.

– Вера, у вас все готово? – не сводя с нас глаз, лепечет сбивчиво. – А что вы тут делаете?

Опомнившись, она шагает к нам, отбивая тонкими шпильками чечетку по плитке.

– Мы тут живем, – девчонки одновременно упирают руки в бока. Становятся передо мной, будто защищая от злой вредной тети. Хотя больше меня волнует их отец. Он уж точно не пощадит ни меня, ни мое начальство.

– Конечно, все готово, Инна, – небрежно бросаю. – Как и договаривались, – киваю на многоярусный торт. – А вы как умудрились детей потерять?

Инна – администратор мастерской праздников «Радость». Женщина, которая принимала меня на работу. И которая теоретически должна все контролировать, но по факту – упустила главных виновниц торжества. Более того, они шарахаются от нее даже сейчас, когда она пытается увести их обратно в зал.

Приобнимаю малышей за плечи и притягиваю к себе.

– Слепая кулица, – неожиданно грозно выдает Маша. Точно Воскресенский! Только маленькая и в платье.

– Кто? Я? – теряется Инна и переводит взгляд на меня, словно в поисках поддержки. Но все, что я могу сделать, лишь недоуменно пожать плечами.

– Игра, – поясняет Ксюша и указывает пальчиком в сторону гостиной, где суматошно снуют аниматоры. То ли ищут пропажу, то ли отвлекают хозяина, пока Инна носится по дому.

– Вы улизили, пока все остальные играли? – перевожу с детского языка. И двойняшки кивают. – Но не подумали, что папа будет беспокоиться? – пытаюсь укорить их.

– Мы же быстленько, – оправдывается Маша, а Ксюша тут же выдает: – А папа с телефоном говор-рил.

Обреченно закатываю глаза. И почему я ни грамма не удивлена? Вместо того чтобы общаться с детьми, Воскресенский даже в праздник занимается делами клиентов. Профессионал. Ответственный и лучший в своей сфере. Ни одного проигранного суда.

И лишь мне отказал, словно я прокаженная.

– Пора возвращаться, – уговариваю девочек, в то время как Инна стоит истуканом. – Папочка ждет, – подталкиваю их к выходу.

Аниматоры, едва завидев нас, шустро ориентируются. Забирают потерянных именинниц, ведут в круг детей. Но не успевают сделать вид, будто все идет по плану. Потому что к ним подлетает Воскресенский. Как черный ворон. Мрачный, злой, агрессивный. Его негативная энергетика мгновенно поглощает все доброе и светлое вокруг, но так же быстро рассеивается. Стоит лишь малышам прижаться к нему и попроситься на руки.

Ради дочек Воскресенский наступает на горло своему гневу. Не хочет портить им праздник разборками.

Припечатав убийственным взглядом девушку-аниматора, он смягчается. С улыбкой говорит что-то детям, подхватывает их на руки. Сразу обеих, будто они не тяжелее пушинок. Кружит малышей, вызывая у них звонкий смех.

Невольно фокусируюсь на этой необычной, но такой гармоничной картинке. Огромный, как гора, грозный мужик с двумя сиреневыми облачками. Заботливо поправляет им объемные юбки, смотрит на девчушек с любовью, тепло и по-доброму нашептывает что-то, чмокает в щечки.

Наблюдаю за ними, оперевшись о косяк двери. И не могу заставить себя вернуться к работе.

– Так, Вера, вывозите торт! – внезапно заявляет Инна. – Пора! – щелкает пальцами аниматорам. И те готовят коридор. – Заодно отвлечем заказчика. И быстрее закончим здесь и уедем, – добавляет тише, промокнув салфеткой взмокший лоб.

– Что? Нет, подождите, – пытаюсь воспротивиться, потому что не готова выходить к Воскресенскому. Но администратор шагает прочь. – Я не могу, – приглушенно пискнув, вновь нахожу в гуще народа хозяина дома.

И на этот раз наши взгляды пересекаются.

Глава 9

Константин

– Поздравляю с Днем рождения наших дочек, – от мерзкого голоса бывшей холодный липкий пот ползет от шеи вдоль позвоночника. Сжимаю руки в кулаки. И под той, что держит телефон, трещит корпус.

Убираю трубку от уха, кошусь на дисплей. Незнакомый номер. Новый. Предыдущий я в ярости заблокировал. Знал же, что это не решение проблемы по имени Даша. Надо переходить к радикальным мерам. Стерва не отступится.

Но, черт! Как же она не вовремя. Сегодня я особенно уязвим.

– У нас с тобой давно нет ничего общего, Даш, – сдавленно рычу. – Попробуй только заявиться сюда и испортить детям праздник, я за себя не ручаюсь.

Оглянувшись на счастливых Машу и Ксюню, оставляю их ненадолго на аниматоров, а сам ухожу в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. Не хочу, чтобы даже случайно малышки услышали от меня грубые слова и брань. Ведь с Дашей иначе нельзя – только жестко и по-хамски.

– Костенька, – тянет ласково, а меня коробит от ее тона. – Ты лишаешь наших детей материнского тепла. Это неправильно. Тем более, в такой праздник!

Опять метко в цель. Ядовитой стрелой, что застревает в груди. Вызывает острую, противную боль.

– Я могу все, Даш, – хриплю от злости. Была бы рядом – придушил бы без зазрения совести. Но не при детях. – А в твоём случае – на законных основаниях. Повторяю: даже не думай!

Убью, если заявится. Не позволю испортить настроение малышам. Сегодня – их день.

Каждый год я готовлюсь к нему заранее и с особой скрупулезностью. На эту дату я обязательно беру выходной. Все сотрудники компании в курсе, а секретарь не планирует никаких важных встреч или совещаний.

Нынешний день рождения – не исключение. Развлекательные мероприятия я начал с раннего утра. Пока праздничное агентство готовило сюрприз, мы с дочками съездили к моей матери за город. Отец нас бросил, когда мне было года три, так что я наполовину сирота. Собственно, как и мои малышки. Будто повторяют судьбу папы.

Пол-родителя, одна бабушка. Впрочем, мама относится к внукам сдержанно, без особой любви. Она часто болеет, требует к себе внимания, а точнее, денег. Так что мы не утомляем ее визитами.

Несколько раз в год. Чтобы дети не чувствовали себя совсем брошенными и никому не нужными.

Паскудство, конечно. Но я делаю, что могу. Создаю иллюзию нормальной семьи. Хотя она ни хрена не полноценная. Колосс на глиняных ногах.

Больше теплых чувств исходит от нашей бессменной няни. Я в очередной раз убедился в этом, когда мы заглянули к ней на обратном пути. Я дал ей выходной, но она очень хотела лично поздравить крошек. И вручить подарки. Удивительно, но Маша и Ксюша вели себя с ней свободнее и радостнее, чем с родной бабушкой.

В целом, я миссию выполнил – и День рождения прошел без изъяна. Девочки выглядят довольными. А я устал как собака.

И все вроде бы хорошо, кроме...

Внезапно активизировавшейся сучки, которая сейчас висит на телефоне.

– Костя, я буду подавать заявление в суд на восстановление родительских прав, – припечатывает меня уверенной фразой. И отключается.

В этот момент я... Не злюсь, нет. Это неуместное слово, которое и на сотую долю не отражает того, что творится у меня внутри.

Я горю в геенне огненной. Чувствую миллиард взрывов, которые разносят мои органы в кровавые лохмотья. А там, где должно быть сердце, застывает кусок обожженного металла.

Заставляю себя выдохнуть и, пока легкие сводит горячей судорогой, возвращаюсь в зал. Окидываю его взглядом – и не нахожу среди других детей своих принцесс. А ведь их сложно не заметить в пышных платьицах.

– Где именинницы? – подзываю одного из аниматоров.

– Играют в прятки, – натянуто улыбается. И неопределенно взмахивает рукой.

Я сразу чувствую, когда баба врет. Жизнь научила. И Даша.

Бегающие глаза девчонки в костюме сказочного персонажа меня серьезно напрягают. И заставляют задуматься о некомпетентности работников этого «лучшего» агентства праздников. А недавний звонок бывшей подливает масла в огонь. Невольно предполагаю худшее...

– Послушай... те, – стараюсь быть вежливым, когда весь на взводе. – Будьте добры, сюда их приведите, – она медлит, и я добавляю: – Иначе мы с вами и вашим начальством дружно поиграем в игру из фильма «Пила», – произношу строго, продолжая искать своих крошек в толпе.

– Д-да, Константин Юр... – испуганно мямлит аниматор.

Однако я отхожу от нее и направляюсь к ее коллегам, которые выводят Машу и Ксюшу из кухни. Бездари, точно упустили малявок. А теперь делают вид, будто так и задумано.

– Еще один просчет, и этот праздник станет последним для вашего агентства, – мрачно бросаю, передернув плечами. Ощуаю чей-то взгляд, что буравит мою спину.

Оборачиваюсь, но отвлекаюсь на дочек, которые запрыгивают мне на руки. Дарят капельку спокойствия. И веры, что все будет хорошо.

– Папуля, а к нам мама пришла. С подарком, – шепчут мне на ухо, улыбаются хитро. А я чуть не получаю инфаркт.

– Шутите, лапочки? – уточняю, опуская их на пол.

– Неа-а, – одновременно мотают головками, и банты едва не слетают с рыжих локонов. – Она нам толтик плиготовила, – с придыханием выдает Маша. – Большо-ой, – показывает руками Ксюня.

Обе указывают куда-то в сторону кухни. Я же лихорадочно ищу взглядом стерву Дашу. И судорожно думаю, как от нее избавиться. Чтобы при этом не угодить за решетку.

Мысли разрывают черепную коробку, под ребрами плаваются внутренности, а гнев достигает высшей точки кипения.

И вдруг... Как прыжок в ледяную прорубь после бани...

Когда я встречаюсь взглядом с ней. Узнаю по каре-зеленым глазам. По огненным кудрям, выпавшим из-под поварской шапочки. По ямочкам, которые появляются на румяных щеках, когда она выжимает из себя виноватую улыбку.

Первая реакция: выдыхаю с облегчением. Не Даша!

Но следом идет вторая...

– А что она здесь делает? – удивленно спрашиваю сам себя.

– Толти-ик! – визжат дочки мне сразу в оба уха, сообщая очевидное. Активно хлопают в ладоши, пританцовывают.

Причем выбирают такой момент «удачный», когда я погружен в легкий шок и не могу поверить глазам. Присев и застыв в неудобной позе посреди зала, рассматриваю рыжего призрака в проеме кухни. И она до последнего держит зрительный контакт, будто играет со мной в гляделки. Медленно побеждает, потому что я окончательно теряю способность здраво мыслить. И сдаюсь первым.

Музыка становится громче, топот детских ножек бьет прямо по барабанным перепонкам, а мои малышки, разыгравшись, звонко смеются и повисают у меня на шее. Чмокают в щеки, что-то шепчут, но в шуме не разобрать их лепет. Наверное, опять просят маму. Точнее, фурию, которая меня преследует. Час от часу не легче.

Надо напомнить охране по поводу Даши, а заодно занести в черный список эту рыжую. Она мне заочно не нравится.

– Да-да, конечно! Торт! – словно из-под земли, выскакивает администратор. Поглядывает на меня с опаской. Суетится вокруг девочек, пытаюсь нам угодить и хоть как-то реабилитироваться после ошибки аниматоров. – Вывозим торт!

Не дожидаясь моего ответа, убегает в сторону кухни. Не успеваю остановить ее, чтобы потребовать список сотрудников их агентства. И уточнить, как среди них оказалась девушка, которая еще вчера обивала пороги в моей юридической фирме. А уже сегодня проникла в дом... Ушлая дамочка. Не верю я в такие совпадения. Особенно, когда на горизонте маячит Даша. Воспаленный и отравленный ненавистью мозг невольно проводит причинно-следственные связи.

– С Днем рождения! – напевают аниматоры, вовлекая детей.

Маша и Ксюша отпускают меня, выходят в центр круга. Складывают ручки и прижимают их к щекам, слегка наклонив головы набок. С предвкушением, азартом и искренней радостью ждут, пока в гостиную выкатят главный сюрприз вечера.

Я же пытаюсь уследить за всем, оценить обстановку и не свихнуться от нервов. Разумеется, с тортом все логично. Я сам же и делал заказ. Да и время для десерта пришло. Но почему спустя минут пять его вывозит все та же надоедливая гостья, только теперь без шапочки? Огненные локоны убраны в аккуратную высокую прическу, белоснежная блузка застегнута на все пуговицы, а сине-черная юбка облегает бедра и достигает уровня колен. Светлый верх, темный низ – типичный дресс-код. Но ведьма даже в этом смотрится по-особенному. Будто она хозяйка здесь. Идет важно, грациозно, подняв подбородок и расправив плечи. Как королева, а не обслуга, которая толкает подставку с тортом.

Определенно, что-то с ней не так...

– Ур-ра-а-а, – вопят дочки в унисон с остальными детьми. Мчатся к конструкции, едва не врезаясь в нее. Но девушка успевает осторожно вырулить, сохранив сложный, многоэтажный и, следует признать, шикарный торт. Настоящее произведение искусства. Маша и Ксюша застывают, восхищенно рассматривая его в свете разноцветных лампочек.

На секунду расслабившись, потираю переносицу и не могу сдержать доброго, теплого смешка. Два рыжих антистресса, которые всегда действуют на меня успокаивающе. Вот только сегодня к ним присоединился третий. И пока я не могу определить, какие чувства у меня вызывает их внезапная «мама». Подняв взгляд, случайно перехватываю ее улыбку. Теплую и вроде бы искреннюю. Каре-зеленые омуты ласкают моих девочек, на расстоянии согревают их и обволакивают нежностью. Непривычно видеть такую реакцию от постороннего человека. И подозрительно.

Стираю улыбку с лица и заменяю ее привычным хмурым выражением. На мгновение меня ослепляют вспышки фотоаппаратов, а когда удается восстановить зрение, я вижу, как рыжая направляется к торту, чтобы помочь аниматорам правильно его разрезать. Хочет всем руководить лично. В моем доме!

Подсекаю ее на полпути и аккуратно, но крепко беру за локоть. Вывожу из толпы, разворачиваю к себе лицом. Ловлю растерянный, ошеломленный взгляд – и собираюсь задать, наконец, мучающий меня вопрос.

– Я точно помню, что в штате «Радости» был другой кондитер, – произношу негромко, но четко. И наклоняюсь к ней, сохраняя приличную дистанцию, однако при этом чувствую ее едва уловимый запах. – Потому что лично с ним встречался и оформлял заказ.

Запрокинув голову, она не боится посмотреть мне в глаза, будто ей действительно нечего скрывать. Позволяет изучить вблизи каждую черточку ее лица. Не смущается, не отворачивается и не пытается ретироваться. Железная леди. И лишь мелодичный голос немного подрагивает:

– Да, но его заменили. Инна вам объяснит причины, а я лишь выполняю свою работу, – произносит на слабом выдохе. И вместе с ним окутывает меня своим ароматом. Вбираю его носом. Не хочу, но он сам проникает в ноздри и заполняет легкие, мгновенно засахарив их изнутри.

Ваниль, свежая выпечка, нежный творог и сливки. Не женщина, а ходячий десерт. И на вид изящная, яркая и хрупкая, как одна из сахарных фигурок, которыми украшают торты. Зато теперь ясно, что не так с ее духами – они слишком естественные, и поэтому такие вкусные.

– У меня к вам вопрос... – делаю паузу и задерживаю дыхание. Сладкий запах мешает мыслить здраво. – Об аллергии вас предупредили? – выдаю не совсем то, что планировал. Но безопасность и здоровье дочек привычно ставлю на первый план.

– Ах, это, – выпаливает с таким облегчением, словно ожидала, что я отругаю или выставлю ее за дверь на глазах у всех гостей. Опустив пушистые ресницы, расслабленно улыбается. – Да, конечно, не беспокойтесь. Я в курсе! – рапортует, кивая интенсивно.

Машинально цепляюсь взглядом за прическу и наблюдаю, как скачут кудряшки в такт. Неторопливо спускаюсь к лицу. И к губам, которые чеканят названия запрещенных для моих малышей продуктов.

Попутно замечаю, как загибаются тонкие пальцы, отсчитывая перечень аллергенов. Вслушиваюсь в уверенный голос, мысленно перепроверяю каждое слово.

Молодец, ничего не забыла. И не оставила сомнений в том, что здесь она в качестве кондитера. Причем профессионала. Признаться, мне нравятся люди, которые выполняют свою работу безукоризненно и на совесть. С полной самоотдачей. Я и сам такой – педант во всем.

– Хорошо, – перебиваю, чуть ослабляя хватку на локте. – Красители в фигурках? – выгибаю бровь.

– Натуральные! Морковный мусс, свекольный сок и...

Киваю и со спокойной душой отпускаю ее. Отбой. Можно перевести дух. И не дергаться хотя бы до конца вечера.

Вместе мы неторопливо и молча возвращаемся к торту, вокруг которого водят хоровод дети. Маша и Ксюша, завидев нас, радостно машут ручками. Боковым зрением ловлю момент, когда рыжая подмигивает им в ответ. Но стоит мне повернуться, как она вмиг возвращает себе маску невозмутимости.

– А это что? – хмурюсь, заметив отпечатки маленьких пальчиков на боковушке нижнего яруса торта.

– Ой, не заметила. Только кексы успела поправить. Извините, – спохватывается и лихо радочно потирает ладони. – Госприемка, – шутит, пытаясь справиться с волнением. – Крошки-хозяйки решили заранее попробовать то, что я приготовила.

Несмотря на внешний панцирь, она не может скрыть нежности в тоне. Не вижу смысла, зачем ей играть, и поэтому... Вообще ни хрена не понимаю.

– И как? – хмыкаю, поддерживая ненужную беседу. – Они оценили? – тепло улыбаюсь дочкам.

– Надеюсь, что да. По крайней мере, их не стошнило. А может, сдерживались, чтобы меня не обижать, – тихо хихикает кондитер, привлекая к себе мое внимание.

– Спасибо, – скользнув по показавшимся ямочками на ее щеках, нервно откашливаюсь. – На этот раз вы представитесь или опять гордо уйдете, хлопнув дверью?

Замирает, удивленно округляя глаза.

– Вспомнили все-таки? – недоверчиво сводит тонкие светло-коричневые брови. Как у моих малышей. Видимо, рыжие все похожи.

– Фотографическая память. Так как вас зовут?

– Вера, – бросает коротко.

– Благодарю, Вера. Можете быть свободны, – не придумываю ничего лучше, как попрощаться. Хочется скорее избавиться от нее, хотя сегодня она не ведет себя навязчиво. И не сует папку со своим делом мне в нос. Но... пусть все равно будет на расстоянии.

Однако дочери со мной не согласны. Стоит Вере отойти от меня, как они подсакивают к ней и тянут к торту. Порываюсь последовать за ними и проконтролировать каждое действие кондитера, однако... Останавливаюсь.

Не мешаю им. Устроившись в кресле, со стороны наблюдаю, как дети разделяются с десертом, балуются, пачкают темную юбку Веры контрастно светлыми кремовыми пятнами. А она, вместо того чтобы огорчиться, просто смеется. Кондитер оказывается живее и веселее аниматоров. Немудрено, что мои дочери не отлипают от нее. Разыгравшись, заставляют помочь им в каком-то конкурсе, а она покорно соглашается.

Моим бандиткам вообще невозможно отказать.

Хотя Даша с легкостью это сделала четыре года назад.

От воспоминания о бывшей холодок проходит по спине. Причем такой ощутимый, будто кто-то сверлит меня взглядом.

Оборачиваюсь, оперевшись локтем о спинку кресла, – и каменею в неудобной позе. Изучая знакомый силуэт, застывший на пороге моего дома.

– Вот же тварь, – проговариваю одними губами и поднимаюсь, пряча руки в карманах брюк. Прикрываю собой зону, где резвятся дочери.

Только через мой труп.

Даша считывает послание, адресованное лишь ей. Бледнеет, но не отступает.

Услужливый администратор забирает у нее пальто, сумку и какую-то коробку. Любезно приглашает в зал. А я борюсь с диким желанием оторвать этой дуре руку, которой она указывает на МОИХ детей. Даша делает шаг в обозначенном направлении. Еще один. Неуверенный. Тормозит, покосившись на меня. И опять вмешивается администратор, подзывая Машу и Ксюшу.

Видимо, стерва посмела представиться матерью именинниц. А охране что наболтала, раз ее пропустили? Уволю всех к чертям!

В груди до последнего теплится надежда, что она – плод моего больного воображения. Иначе прольется кровь...

Глава 10

– Привет, – произносит Даша одними губами. Кокетливо взмахивает ресницами, пытается мило улыбнуться, тербит пуговицы блузки. Играет саму невинность. Как в наше первое знакомство. Но, споткнувшись о мой гневный, испепеляющий взгляд, поворачивается к детям. Возвращается к первоначальной тактике – пробивать себе себе путь в нашу семью через них.

Нервно шагаю к незваной гостье, намереваясь перехватить ее и выкинуть из дома. Боковым зрением вижу, как к ней с опаской, неторопливо приближаются дочери, ведомые администратором. Малышки усложняют мою задачу, потому что при них я ограничен в словах и действиях. Впрочем, они же меня и оберегают. От убийства.

– Солнышки, возвращайтесь к торту, – прошу негромко. И сам не узнаю свой голос. Жесткий, ледяной, пропитанный сталью.

Маша и Ксюша удивленно вскидывают головки, глядя на меня, хмурятся. Но с места не двигаются. Любопытные.

– Гости, – указывают пальчиками на Дашу. И смотрят так укоризненно, будто я напрочь позабыл все правила приличия.

– С Днем рождения, доченьки, – щебечет стерва, присаживаясь и протягивая руки. – Я не просто гостья. Я ваша мама.

Балансирует на корточках в облегающей юбке. И ждет, пока девочки сами к ней подойдут. Толком и вести себя с детьми не умеет, зато как гордо представляется.

Мама.

Лихорадочно сжимаю кулаки, стараясь не сорваться. Нависаю над бывшей, которая извивается, как змея, не зная, с какой стороны подлезть к моим дочкам и отравить их ядом. Торопится завладеть их вниманием. Завоевать маленькие чистые сердца. Понимает, что у нее времени в обрез. И единственная попытка.

Я же контролирую каждое ее действие. Вслушиваюсь в слова. И заранее прикидываю, как потом все объяснить крошкам. Мягко и без травм. Но они и в этот раз спасают меня.

– Спасибо, тетя, – из вежливости лепечет Ксюша, но ручку не дает. А Маша смело и хлестко добавляет: – У нас ддугая мама.

Обе пожимают плечиками и сочувственно улыбаются Даше, мол: «Опоздала, тетя». Помахав ей ладошками, пальчиками манят меня, чтобы наклонился.

– Папуль, мы тебе толтик оставили, – заговорщически шепчет Маша.

– И голову феи, – стреляя искристыми глазками, с воодушевлением лепечет Ксюня.

– Какая прелесть, – на секунду забыв о бывшей, позволяю себе улыбнуться. – Бегите, – подмигиваю им.

Быстро клюнув меня в обе щеки, они разворачиваются и ныряют в толпу. Лавируя между другими детьми и уклоняясь от сказочных персонажей, стремительно достигают своей цели... И едва не сбивают с ног Веру. Рассмеявшись, она ловит их, заключает в объятия. Терпеливо и внимательно выслушивает детскую болтовню, на доли секунды скользит взглядом в нашу сторону – и сразу возвращается к девочкам. Отпускает их к аниматорам, которые продолжают развлекательная программа.

– Мне казалось, ты один, – напоминает о себе Даша. – Чужая женщина не заменит им родную мать, – цедит, поднимаясь на ноги.

Опускаю руку на ее плечо, чувствуя брезгливость от прикосновения, сжимаю зло – и толкаю к выходу. Борюсь с острым желанием схватить ее за шкирку и грубо вышвырнуть на улицу, как приبلудную собаку. В ближайшие кусты. Где ей самое место.

– Подожди... Куда же... – упирается и визжит, как свинья перед забоем, но я не замедляю шага. Жалкие потуги Даши перекрывает музыка из гостиной. Там вовсю идет веселье, а ташу

ее прочь от толпы, пока она врезается каблуками в паркет, со скрипом проезжает по нему. – Там... Стой... Сумочку отдай, – переходит на ультразвук, когда я встряхиваю ее. Споткнувшись, теряет равновесие и безвольно повисает в моих руках.

Закатываю глаза и, с трудом преодолев отвращение, ставлю ее на ноги, фиксирую – и с облегчением убираю ладони. Дико хочется вымыть руки. После Славина и, возможно, других мужиков, которые ее лапали, после всей лжи, что она из себя выплескивала, после предательства. Я будто испачкался.

Странно. Когда-то мне казалось, что ее разлюбить невозможно, но один чудовищный поступок перевернул все. И как отрезало.

Теперь вижу перед собой не жену, пусть даже бывшую, а потасканную куклу. Грязную, страшную, гнилую. Хотя внешне она по-прежнему безупречна.

– Инна, – поднимаю ладонь, привлекая внимание администратора. Жестами показываю, что нам нужно.

Буквально через минуту девушка подлетает к нам с клатчем в руках. Дрожит и чуть не роняет его, передавая Даше. И сразу отшатывается, будто от гремучей змеи. Преданно смотрит на меня, вжимая голову в плечи.

Раньше надо было думать. Когда тварь опасную в дом впустила.

– Кон-ст-антин Юр-ьевич, а... – трясется и заикается. Поднимает бьющуюся в треморе ладонь, показывает на Дашу. Проглатывает немой вопрос, смешанный с шоком. – Не мама, – сама же отвечает.

– Местная сумасшедшая. Бродит по округе, пристаёт ко всем детям и говорит, что она мама, – вытерев ладони о брюки, опять нехотя беру Дашу за локоть. Буквально двумя пальцами, как слизняка. Благо, она к дочкам не успела прикоснуться – тогда бы я точно взбесился. Гадость какая.

– Ох, из-вините, – шмыгает носом администратор. – Я думала... Она сказала... Документы показала. Я вам дозвониться не могла, чтобы уточнить. И, как координатор мероприятия, взяла ответственность на себя. Провела, чтобы на месте вам сообщить. Простите. Так не хотелось скандала, но...

– Вторая ошибка за вечер. После третьей ваше агентство перестанет существовать, – отмахиваюсь от нее.

Двигаюсь дальше, хлопаю себя свободной рукой по карманам. Нахожу телефон. Действительно, недоступен. Я включил "режим полета" после звонка Даше.

Путь до двери кажется вечностью. Лечу, как сумасшедший, и волочу бывшую за собой, игнорируя ее бляенье.

– Костя, ты стал таким жестоким, – выдавливаю из себя слезы. Вызывает лишь одно желание – стереть их пощечиной. Но баб я не бью. И вообще, привык решать проблемы другими методами. Более действенными.

– Что за документы ты администратору сунула? – зло рычу, вытолкнув ее на крыльцо.

Захлопываю дверь, отсекая нас от дома – моего личного оазиса, внутри которого должны царить мир и уют. И ради этого я готов сравнять с землей все, что находится за его пределами.

Яростно тру ладони платком, тяжело дышу и исподлобья зыркаю на Дашу. Она уже не такая смелая и наглая, ведь мы остаемся без свидетелей. Наедине.

И более сговорчивая.

– Их старые свидетельства о рождении, – послушно достает из клатча смятые бумаги. – Копии.

Выхватываю и, скользнув взглядом, рву их на несколько частей, отправляю в урну у скамейки.

– Сохранила же, – криво ухмыляюсь. – На память о брошенных детях? Это ненормально, Даш. Все, что ты делаешь, ненормально. Остановись.

– Нашла, когда документы собирала, – приподнимает подбородок и еле слышно шепчет: – На восстановление материнства.

– Ты... – не могу слов подходящих подобрать. Ярость смешивается с первобытным страхом. Сродни тому, что я испытывал четыре года назад. Когда мог потерять самое дорогое – своих дочек.

И вот все повторяется. Опять на сцене в роли главной злодейки человек, который должен быть самым близким. Поддерживать в трудный момент. Жизнь за детей отдать, если потребуется.

Но нет. Это все не о Даше. У нее другие мотивы. И тогда, и сейчас.

Деньги, удобство, личный комфорт. Ею движет элементарный эгоизм.

– Повторю: лучше остановись, – бросаю последнее предупреждение. – Пока не поздно.

– Кость, я все решила. Это и мои дети тоже, – выдает на рваном выдохе и прижимает сумочку к груди.

Делаю шаг к ней, протягиваю руку, но она уворачивается и семенит к воротам. Останавливается лишь возле поста охраны. Ищет помощи у болвана, который ее пропустил. Но тот хоть и тупой, однако все еще работает на меня.

– Вывести, Константин Юрьевич? – шустро реагирует, берет Дашу за предплечье.

Киваю – и она, не дожидаясь применения силы, сама покорно плетется за пределы территории. Шкафу под два метра ростом сопротивляться бессмысленно. Дочки шутливо зовут его Халком. Жаль, что толку от него, как от болонки в качестве сторожевой собаки. Впрочем, та полаяла бы для приличия, а этот...

– С завтрашнего дня ищи новую работу. Уволен за некомпетентность, – рявкаю, минуя охранника. – Я кому список гостей выдал? И на хрена? Чтобы ты пропускал кого попало?

– В списке указано агентство «Радость» и количество представителей. Я думал, их доставка сладостей, – разводит руками.

Я даже не знаю, как мне реагировать и что делать в этой ситуации. Смеяться или рыдать. Наорать на него? А толку. Все уже случилось. И пока что я отделался легким испугом.

– Администратор встретила, – оправдывается охранник. – И логотип тот же на коробке, – бровь взлетает вверх, а взгляд стреляет в небольшую яркую машинку. Она выделяется из всех остальных на парковке. Привлекает внимание даже издалека. Кажется смутно знакомой. И сама модель, и цвет, и потертая, облезлая надпись на боку: «С...ка.. жизнь».

Как иронично.

– Меня окружают идиоты, – массирую переносицу. – Вызови такси этой... – сцепив зубы, подавляю грубый мат. – Женщине.

Вместе с Дашей жду машину за воротами. Слежу, чтобы не вытворила еще что-нибудь и не попыталась вернуться к детям. А она ведет себя на удивление тихо и спокойно. Бойтся слово мне сказать.

Но даже когда я, наконец, загружаю ее в салон такси и приказываю водителю отвезти нахрен эту просроченную бандероль, все равно не могу избавиться от гадкого предчувствия.

Пытаясь справиться с грызущим душу волнением, я задерживаюсь на улице. Набираю давно забытый и проклятый мною номер. Призываю демона прошлого. Для полного комплекта.

– Славин, гнида ты такая, рад меня слышать? – нападаю без прелюдий. Чуть не скриплю зубами от того, что должен с ним общаться.

Но я Дашу предупреждал...

– Костя... тантин, – ошеломленно и с неприкрытым страхом мямлит бывший друг и заместитель. Все у меня какое-то «б/у» в этой жизни. – А что я сделал? – растерянно уточняет.

– Свою бешеную собаку с цепи спустил. Вольер открытым оставил. Какого черта она теперь у меня ошивается? – продолжаю в том же духе. – Взял ее себе, так воспитывай и корми дальше. Ты в ответе за тех, кого приручил.

– Ты... про... Д-дашу? Д-да? – чуть слышно пыхтит в трубку.

– Проявляешь чудеса дедукции. Не зря на меня работал.

– Извини, пожалуйста. Дурак был, – тараторит судорожно. – Сто раз пожалел. Соблазнила...

– Ой, не начинай, жертва, – морщусь и постукиваю пальцем по корпусу телефона. – Мне нужны детали вашего бракоразводного дела. Все нюансы, – выпаливаю резко и, пока Славин еле шевелит шестеренками, добиваю его: – Я готов представлять твои интересы в суде. По старой дружбе. Все-таки от такой дряни меня спас.

Не слышу его ответа. Он тонет в гуле сирены.

Телефон выскальзывает из рук, все внутренние органы обрастают камнем, а сердце пропускает удар. И только в висках больно стучит. В унисон с разносящимся по всей округе звуком.

Сигнал беды.

Потому что возле ворот нашего дома паркуется...

Скорая.

Глава 11

Вера

Атмосфера накалена до предела. Кажется, достаточно искры, чтобы вспыхнул пожар. Пока приглашенные дети беззаботно веселятся, а крошки Воскресенские не отлипают от моей измазанной кремом юбки, взрослые напряжены. Будто в зал кто-то пронес бомбу и теперь главный вопрос: удастся ли обезвредить ее или здание взлетит на воздух.

По спине проносится колючий мороз, и я передергиваю плечами, сбрасывая с себя чей-то взгляд. Недоуменно осматриваюсь, цепляю в толпе мощную, мрачную фигуру Воскресенского – и отвлекаюсь на малышей, которые обнимают меня за ноги.

– Мама, мы тебе тоже голову феи оставили, – одной невинной фразой Ксюша, сама того не ведая, проезжается по мне катком. И повторяет лихой маневр, когда протягивает блюдо с растерзанным кусочком торта и нетронутой сахарной фигуркой.

С трудом выдавливаю улыбку сквозь слезы. И пытаюсь унять скачущее в груди сердце. Они ведь этих фей сразу себе отвоевали – и весь вечер охраняли от всех. А меня словно только что приняли в свою тайную ложу.

Нет. В семью. Я должна бы воспринимать это как милую шалость избалованных девочек, но мне... больно. Настолько, что нечем дышать.

– А втую – папе, – ревностно добавляет Маша и отодвигает свою тарелку. – Надо половну, – грозит мне испачканным в морковном муссе пальчиком.

Спохватившись, беру салфетку со стола – и принимаюсь вытирать малышке ручки. Ловлю на себе косые взгляды аниматоров и настороженные – гостей. Впервые оказываюсь в столь неоднозначной ситуации.

– Вера Александровна, понравились вы именинницам, – приглушенно посмеивается Матвей, подходя ко мне со спины. – Смотрите, попросят вас себе в качестве подарка. Знаете, как в том старом фильме... «Игрушка».

– Плохая шутка, Мэт, – осекаю его. – Их отец при желании может поставить крест на нашем возрождающемся бизнесе. Если ему покажется, что я как-то неправильно веду себя с его детьми, то...

– Мы вас в обиду не дадим, – перебивает меня шеф.

Разум вопит, что я должна вернуться на кухню и не искать себе лишних проблем, но непослушный взгляд опять выделяет среди шумной толпы две поцелованные солнцем макушки. Уголки губ тянутся вверх, а вот сердце почему-то не на месте.

– Мам, папа уходит, – подлетев ко мне, малышки дергают меня за многострадальную юбку.

Любуюсь ими и в очередной раз удивляюсь, как у хмурого Воскресенского могли появиться такие яркие звездочки. Он же как корочка черного хлеба, забытая где-то за кухонным шкафчиком на долгие годы. Мрачный сухарь, превратившийся в камень. И ничто не в силах сломать его или хотя бы вызвать трещину. Правда, рядом с дочками он смягчается. Становится не похожим на самого себя. Но этого недостаточно, чтобы размочить его полностью. Две капельки чистой воды против застарелого сгустка негатива.

– Значит, у него появились срочные дела, – присев, успокаиваю обиженных детей. И их капризно надутые губки вдруг растягиваются в сияющей улыбке.

Кажется, в этот момент все внимание присутствующих сосредоточено на мне. Чувствую себя преступницей. Со стороны и правда подозрительно: чужая тетка покушается на дочек хозяина. Благо, сам Воскресенский не видит и не слышит нас. Он занят какой-то гостьей. На расстоянии я не могу рассмотреть ее, но, когда она поворачивается в профиль, мне на секунду

кажется, что я ее где-то видела. Изучить незнакомку детальнее не позволяет Константин, который ведет ее к выходу. Совсем не галантно. Наоборот, настойчиво, жестко и нервно.

– Вера, вы еще в зале? Вам здесь больше делать нечего, – фурией подлетает ко мне Инна. – Не хватало мне еще за поваров от этого козла огрести, – добавляет чуть слышно и, лихорадочно прокручивая кольца на дрожащих руках, становится передо мной, заслоняя весь обзор. – Немедленно марш на кухню! Тщательно уберите все после себя, сложите вещи – и можете уезжать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.